

ГЛАВНАЯ КИНОПРЕМЬЕРА 2019

ВАРАВВА

В КРУТУ ЦИСУСА
ХРИСТА

Главная кинопремьера 2019

Мария Корелли

**Варавва. В кругу Иисуса
Христа (сборник)**

«Алисторус»

1893, 1886

УДК 82'06
ББК 85.5

Корелли М.

Варавва. В кругу Иисуса Христа (сборник) / М. Корелли —
«Алисторус», 1893, 1886 — (Главная кинопремьера 2019)

ISBN 978-5-907120-65-5

К выходу фильма «Варавва» 25 апреля 2019 года. Книга «Варавва» английской писательницы Марии Корелли – художественный рассказ о судьбе евангельского разбойника Вараввы, освобожденного на суде Пилата вместо Иисуса Христа. Драма двухтысячелетней давности, повлиявшая на историю всего человечества, описанная в книге, открывает перед нами картину, разыгравшуюся в Иерусалиме, во всех ее пугающих красках. Как выглядели события с точки зрения Вараввы? Как он был связан с Иудой и какая роль ему была уготована в жизни Христа? Ответы на эти вопросы вы найдете в книге.

УДК 82'06
ББК 85.5

ISBN 978-5-907120-65-5

© Корелли М., 1893, 1886
© Алисторус, 1893, 1886

Содержание

Мария Корелли	5
Часть первая	5
Глава I	5
Глава II	7
Глава III	9
Глава IV	18
Глава V	21
Глава VI	23
Глава VII	25
Глава VIII	28
Глава IX	30
Глава X	33
Глава XI	35
Глава XII	37
Глава XIII	39
Глава XIV	42
Глава XV	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Мария Корелли Варавва. В кругу Иисуса Христа

Мария Корелли
Варавва

Часть первая

Глава I

Догорал длинный, знойный южный день.

Тяжелая жара была невыносима. Земляные полы тюрьмы источали ядовитое зловоние, отравлявшее небольшое количество проникавшего с воли воздуха. Царил глубокий мрак. Только тонкий светящийся лучик – скромный посланник пышущего жаром солнца – проби- вался в одну из камер через небольшое отверстие вверх. Но свет раздражал узника, и он с проклятиями отворачивался, закрывал лицо скованными руками, кусая губы в бессильной злобе, пока рот не наполнялся кровью.

И хотя арестант часто впадал в такую ярость и смотрел на солнечный луч, мечом резав- ший плотный тюремный мрак, как на заклятого врага, светящийся столбик был не бесполезен узнику: по нему он судил о времени. Когда луч появлялся – начинался день, исчезал – и ночь вступала в свои права.

Существование в каменном мешке было мукой, каждый новый день не приносил ничего хорошего – заканчиваясь он оставлял обитателя подземелья в еще большем, чем вчера, живот- ном отупении. Но слепящий глаза свет мучительно напоминал о внешнем мире и не давал окончательно забыться. Заключение здесь человек выдержал бы сияние яркого восточного солнца в открытом пространстве – никто не бросит такого смелого взгляда на огненный шар, царящий в синеве неба! Но в смрадной темнице эта тоненькая струйка света, излучаемого днев- ным светилом, казалась узнику воплощением вызова и зол насмешки. Корчась на подстилке из грязной, трухлявой соломы, он отодвигался подальше, в темноту, проклиная и судьбу, и людей, и Бога.

Он был не один. В угол, где он ежился, как дикий, зверь, была вмурована железная решетка, граничащая с таким же каменным мешком. Через эту решетку к нему тянулась изможденная, грязная рука. Пошарив в темноте, рука наконец нашла и потянула край его рубища; слабый хриплый голос позвал:

– Варавва!

Он повернулся быстрым, гневным движением. Цепи его зазвенели.

– Чего тебе?

– Про нас забыли, – простонал жалобный голос. – Я умираю от голода и жажды и про- клинаю тот час, когда связался с тобой...

Варавва молчал.

– Ты помнишь, – продолжал тот же голос, – какое сегодня число?

– Не все ли равно, – отозвался Варавва, – месяцы или годы прошли с тех пор, как нас сюда заточили... А ты знаешь?

– Восемнадцать месяцев прошло со дня убийства фарисея, – ответил сосед. – Сейчас идет пасхальная неделя.

Варавва не выразил ни удивления, ни интереса.

– Помнишь ли ты обычай Пасхи? – продолжал невидимый собеседник. – Один преступник, выбранный народом, должен быть отпущен на свободу! Ах, если бы это был кто-то из нас! Если невинность – заслуга, то выбор падет на меня. Бог моих отцов свидетель, что мои руки не запачканы кровью... Я фарисея не убивал... Немного золота – вот все, что я хотел...

– И разве ты его не взял? – прервал его Варавва. – Лицемер! Разве не ты ограбил фарисея, сняв с него все, до последнего украшения? Тебя схватили, когда ты зубами рвал с его руки золотой браслет. Не прикидывайся невинной овечкой! Ты – злейший вор в Иерусалиме!

За решеткой послышалось рычание разъяренного зверя. Затем после некоторого молчания опять раздался стон.

– Весь день без пищи! И ни капли воды! Я скоро умру! Умру в темноте и смраде!

Стенания переходили в визг.

– Туда тебе и дорога! – устало сказал Варавва. – Зато каждый, кто имеет золото, может спать спокойно!

– Ты демон, Варавва!

Через решетку просунулась сжатая в кулак рука. Потом бледное, искаженное злобой лицо притиснулось к прутьям.

– Клянусь, я буду жить хотя бы для того, чтобы дожидаться того часа, когда тебя поведут на казнь!

Варавва молча отодвинулся подальше от злобного соседа и, глянув вверх, облегченно вздохнул: ослепительно-золотое сияние сменилось мягким красноватым светом.

– Закат солнца, – бормотал он. – Вот час, который она любит! Она пойдет с рабынями к колодцу и будет отдыхать и веселиться, а я... я... О Бог мести! Я никогда не увижу ее лица! Полтора года в этой могиле и никакой надежды на избавление!

Узник резко встал, и голова почти коснулась потолка темницы. Кандалы снова напомнили о себе громким бряцанием. Поставив голую ногу на выступ стены, Варавва приник к щели, откуда пробивался горячий свет заходящего солнца, но мало что было видно ему – огороженная небольшая площадка сухой, выжженной земли, да одинокая пальма с чахлыми листьями. Пристально вглядываясь, он старался различить что-то в туманной дали, но истомленный долгим вынужденным постом, не смог удержаться и опустился на землю, продолжая мрачно следить за розовым отблеском солнца на полу.

Этот свет падал и на его лицо, оттеняя нахмуренные брови и темные негодующие глаза, освещал голую грудь и блестел на массивных железных наручниках.

Всклопоченные волосы и спутанная борода делали узника похожим на дикого зверя. Он был почти раздет: бедра опоясывал кусок полуистлевшей ткани, подвязанной грубой веревкой. Хотя было очень жарко, узник дрожал в этом душном мраке и, уронив голову на колени, пристально и упорно, как филин, смотрел на солнечный луч, который с каждой минутой бледнел, угасая. Днем луч был ярко-красный («Как кровь убитого мной фарисея», – со зловещей улыбкой подумал Варавва), теперь же он стал бледно-розовым, как румянец зардевшейся красивой женщины.

От этого сравнения узник содрогнулся и до боли сжал руки.

– Юдифь, Юдифь! – прошептал он. – Дорогая Юдифь!

И, прижавшись лбом к скользкой стене, замер, как каменное изваяние.

Последний отблеск солнца пропал, и темная мгла укрыла все. Ни один звук, ни одно движение не выдавали присутствия человеческого существа в этом ужасном месте. Только изредка слышался шорох пробегающих по полу мышей, и снова воцарялась тишина – глубокая, мертвая...

А небеса облекались в свое ночное величие. Просыпаясь, звезды белыми, хрупкими лилиями выплывали в необъятное, темное, словно гладь озера, пространство.

Но в щель темницы была видна лишь одна маленькая звездочка. Показавшаяся на горизонте серебристая луна еще не заглянула в тьму камеры, чтобы сочувственным бледным светом озарить заключенного. Одиноким и невидимым, он боролся с физическим и нравственным недугом. Стена, на которую он опирался, была обильно полита слезами.

Глава II

Медленно тянулось время... Вдруг ночную тишину прервал какой-то неясный шум. Он, как прилив моря, начинался издалека и, приближаясь, зловеще гудел, делался все громче и громче, ударялся о стены темницы и отражался от них, умноженный эхом...

Уже были различимы отдельные голоса, топот множества ног и лязг оружия. Хрипло спорили, свистели, кричали.

Язвительный, с издевкой, голос спросил:

– Скажи, Пророк, кто Тебя ударил?

Раздался оглушительный смех, визг, гиканье, улюлюканье. Потом толпа ненадолго угомонилась, притихла в ожидании конца спора, возникшего между начальниками.

Через несколько минут гул возобновился и медленно покатился мимо тюрьмы, постепенно замирая, как удаляющиеся раскаты грома.

Но пока он был рядом, в подземелье загремели цепи, скованные руки слабо застучали о решетку, и голос, говоривший прежде, опять позвал:

– Варавва!

Ответа не последовало.

– Варавва, ты слышал проходящую толпу?

Снова молчание.

– Варавва! Собака! – сосед яростно заколотил по решетке. – Ты глух к хорошим вестям! В городе мятеж! Долой закон! Долой тирана! Долой фарисеев! Долой всех!

Он рассмеялся. Смех его походил на хрип.

– Нас освободят! Свобода! Подумай, Варавва! Тысяча проклятий тебе! Ты спишь или умер!

Но он напрасно бил кулаками по решетке. Варавва был нем.

Луна, между тем подкатившаяся к середине небосклона, заглядывала в каменный мешок и окутывала призрачным светом фигуру неподвижного Вараввы.

– Варавва! – раздраженный, слабый голос соседа стал сильнее от злобы. – Ты не внимаешь хорошим вестям, так слушай же плохие! Послушай твоего друга Ганана, который лучше тебя знает коварство женщин! Зачем ты убил того фарисея? Он говорил правду... Ты – глупец! А твоя Юдифь...

Позорное слово не успело слететь с его языка. Безучастный до сих пор Варавва внезапно и молниеносно, как лев, кинулся к Ганану, схватил его через решетку за руку и стиснул с такой бешеной силой, что чуть не сломал.

– Еще раз произнеси это имя, и я вырву твои разбойничьи руки и оставлю для воровства одни плечи!

Лицом к лицу, почти невидимые друг другу, они яростно боролись. Наконец, страшно крича от боли, Ганан высвободил руки и рухнул в темноту камеры. Тяжело дыша, Варавва бросился на свою грязную подстилку.

– Что если это правда? – Он скрежетал зубами, каждая его жилка билась в нервном напряжении. – Вдруг вся красота Юдифи – только искусная маска, за которой скрывается коварство и подлость? О Бог, тогда она в тысячу раз хуже меня!

Уронив голову на руки, влюбленный узник старался разрешить загадку собственной натуры, своих страстей, сильных и неукротимых. Но это было так трудно, что понемногу его мысли стали рассеиваться, и он впал в забытие, сладостное после недавней сердечной боли. Сжатые в кулаки ладони раскрылись, дыхание стало ровным, и, вытянувшись во весь рост, он заснул.

А ночь торжествовала. Луна и звезды спокойно следовали своим законам; молитвы разных людей, говорящих на разных языках, исповедующих разные религии, поднимались от земли к единому для всех небу. Молитвы о милосердии, прощении и благоденствии для того человечества, которое само не обладало ни милосердием, ни умением прощать?

С волшебной быстротой темные небесные своды стали бледно-серыми, – луна тихо скрылась, и звезды погасли одна за другой, как лампы после праздника.

Наступило утро.

Варавва продолжал спать, повернувшись в сторону проникающего в тюрьму утреннего света, и тихая улыбка сменила прежнюю суровость его лица. Над нечесаной густой бородой виднелся нежный изгиб губ. Отпечаток бывшей степенной красоты лежал на широком лбу и закрытых глазах. Этого спокойно спящего не раскаявшегося преступника можно было принять за невинную жертву жестокой судьбы.

В наружном дозоре тюрьмы зашумели, задвигались. Варавва сначала слышал это сквозь сон, но шум все усиливался, и арестант нехотя открыл глаза и приподнялся на локте. Прислушавшись, он различил бряцание оружия и мерные шаги людей. Пока он вяло размышлял, что бы это могло значить, звуки приблизились и наконец затихли у его камеры. Повернулся ключ в замке, со скрежетом отодвинулись огромные засовы, дверь распахнулась, и хлынул такой яркий свет, что узник невольно поднял руки к глазам, словно защищая их от удара. Моргая, как ночная птица, он привстал. Перед ним стояла группа сверкающих металлом доспехов римских солдат, во главе которых был офицер. Рядом стоял тюремщик.

– Выходи!

Варавва смотрел сонно, непонимающе. Вдруг за решеткой раздался визгливый крик:

Я тоже!.. Я невиновен! Отведите и меня в суд! Будьте справедливы! Не я убил фарисея, а Варавва! Не оставляйте меня здесь!

Никто не обращал внимания на эти вопли. Офицер повторил, глядя на Варавву.

– Выходи!

Очнувшись наконец, тот приложил все усилия, чтобы исполнить приказание, но мешали тяжелые цепи. Видя это, офицер отдал распоряжение солдатам, и через несколько минут оковы с ног арестанта пали.

Ганан продолжал вопить.

Оглянувшись на стражу, Варавва слабым голосом сказал:

– Прошу вас, дайте воды и пищи этому человеку...

Начальник конвоя взглянул на него с удивлением.

– Ты ничего не просишь для себя? – сказал он. – Сейчас у иудеев Пасха, и мы разрешим тебе все, что благоразумно...

Он засмеялся, и его люди дружно подхватили смех. В глазах Вараввы стояла тоска пойманного зверя.

– Сделайте это из милости, – пробормотал он. – Я тоже голоден и жажду, но Ганан слабее меня.

– Эй, тюремщик, накорми крикливого разбойника, – приказал офицер и, быстро повернувшись, стал во главе своего отряда, плотно окружившего Варавву. Все вышли из тюрьмы.

Глава III

Во дворе все остановились в ожидании, пока откроют ворота. Там, по ту сторону ограды, была свобода! Варавва издал хриплый стон и, задыхаясь, поднес скованные руки к лицу.

– Что с тобой? – спросил один из конвоиров и ткнул его копьем в бок. – Не может быть, чтобы ветерок так подкосил тебя!

А Варавва и в самом деле зашатался и упал бы, если бы воины с руганью и проклятиями не подхватили его и не поставили на ноги. Лицо арестанта смертельно побледнело, белые губы над всклокоченной бородой скривились, он едва дышал.

Офицер все понял.

– Дайте ему вина! – сказал он кратко.

Приказ был тотчас исполнен. Но зубы обессилевшего узника были стиснуты, и вино – каплю за каплей – пришлось насильно вливать в рот. Скоро грудь Вараввы поднялась с глубоким вздохом возвращающейся жизни, глаза широко раскрылись.

– Воздух, воздух! Чистый воздух! Свет! – восторженно стонал он. Потом, почувствовал прилив сил от выпитого вина, рассмеялся. – Свободен! Я свободен!

– Замолчи, собака! – прервал его восторги офицер. – Кто тебе сказал, что ты свободен? Посмотри на наручники и отрезвись. Вперед, солдаты!

Тюремные ворота со скрипом выпустили их, и равномерный шаг конвоя и спотыкающийся – арестанта эхом отдавался на улицах, по которым они проходили, а затем и под сводами подземного хода, ведущего прямо в зал суда. Ход этот был длинный, каменный, освещаемый такими тусклыми светильниками, которые, казалось, только усиливали глубокую темноту подземелья.

Мрак здесь был почти такой же, как в темнице, и Варавва запинаясь на каждом шагу. Чуждое видение свободы улетучилось. Его вели на казнь. Какого милосердия мог ожидать преступник от могущественного Пилата, прокуратора Иудеи, убив одного из немногих в этой стране друзей римского правителя?

Будь он проклят, этот фарисей! Его манеры, его самодовольную улыбку, его холеные руки с огромным перстнем на указательном пальце, все детали роскошной, пышной одежды, осанку, отличавшую его от других людей – все это Варавва вспомнил с отвращением. Ему опять представился тот момент, когда, сваленный на землю сильным, точным ударом ножа, фарисей лежал, обливаясь кровью; в лунном свете глаза Габриаса казались белыми от переполнявшей его ненависти к убийце.

Насильно отнятая жизнь вызывает о мести! Варавва это понимал. Но казнь, применяемая к опасным преступникам, была так страшна, так жестока, что Варавва содрогнулся от предчувствия предстоящих ему страданий. Если бы, как убитый км фарисей, расстаться с жизнью в одно мгновение! По быть растянутым на деревянных брусках и часами мучится под лучами палящего солнца – одной мысли об этом было достаточно, чтобы привести в ужас даже храброго человека!

Поэтому Варавва с трудом переставлял ноги. Голова его кружилась, глаза слезились, в ушах гудело. В приближающемся с разъяренной толпы он расслышал свое имя.

Встревоженный, арестант стал заглядывать в лица солдат, но по их невозмутимым чертам не мог узнать свою участь. Сквозь бряцание оружия и шум шагов снова послышалось: «Варавва, Варавва». Очевидно, жестокая толпа, как всегда, требовала казни. Для озверевшей толпы нет ничего приятнее агонии человека. Ничто не вызывает такого злорадного смеха, как отчаяние и страх жертвы, приговоренной к мучительной, медленной казни на кресте!

От этой мысли крупные капли пота выступили на лбу арестанта. Медленно двигаясь вперед, он молча молил о внезапной смерти. Но ему предстояло быть объектом насмешек толпы, ждущей чужой смерти как развлечения.

Все ближе становился гул, прерываемый паузами молчания, и во время одного такого затишья путешествие подошло к концу.

Арестант и стражники оказались в огромном зале, разделенном на два квадрата, один почти пустой, другой плотно заполненный людской массой, которую с трудом сдерживал от проникновения в просторную половину римский отряд с центурионом во главе.

Когда появился Варавва в окружении конвоя, ни один взгляд любопытства или участия не обратился к нему. Внимание народа привлекал другой Узник, Какого еще не бывало в человеческом судилище. Допрашивали такого Обвиняемого, Который никогда не давал ответа смертному человеку...

С чувством облегчения Варавва начал сознавать, что, пожалуй, его страхи были напрасными. Никто не требовал его казни. Заразившись всеобщим напряженным любопытством, он, насколько мог, вытянул шею, чтобы лучше следить за происходящим.

Под роскошным судейским балдахином восседали члены синедриона. Некоторых из них Варавва знал: первосвященника Каиафу и его родственника, тоже первосвященника, Анну. Но среди высокопоставленных лиц он с удивлением увидел маленького, худенького, сморщенного менялу, известного всем в Иерусалиме и всеми проклятого за бессовестное ростовщичество и жестокость.

«Как сюда попал этот подлец?» – подумал Варавва.

Потом его глаза остановились на человеке, чье строгое лицо не раз являлось ему в тюрьме. Понтий Пилат, наместник римского цезаря, суровый посредник между жизнью и смертью, выглядел бледным и очень усталым. Черты лица его застыли, но рука теребила осыпанную драгоценными камнями печать, висевшую на груди; под низко спадавшими складками судейской мантии одна нога в сандалиии нетерпеливо постукивала по полу.

Хотя сегодня Пилат больше походил на грустного вельможу, чем на жестокого тирана, все же строгий профиль и твердость поджатых тонких губ прокуратора не предвещали никакого мягкосердечия.

Пока Варавва размышлял об этом, страшный крик вдруг потряс воздух:

– Распни, Распни Его!

Варавва вздрогнул. Чью жизнь так яростно просили? Не его ли? Нет, толпа его по-прежнему не замечала. Все взгляды были обращены в другую сторону. Вытянувшись всем телом в том же направлении, Варавва в восторженном удивлении затаил дыхание.

Все величие, все великолепие ясного дня, весь свет, льющийся из огромных окон, сосредоточились в облике второго Узника. Такой лучезарности, такой силы, такого сочетания совершенной красоты и могущества Варавва никогда не встречал, да и не думал, что такое возможно. Он смотрел так, словно его душа превратилась в одно чувство зрения. Он прошептал: «Кто этот Человек?» Никто ему не ответил. Варавва не сводил глаз с Божественного Существа, стоявшего молча, с видом покорности закону, с легкой таинственной улыбкой на губах и смирением ожидая того приговора, который Он Сам постановил. Освещаемый солнцем, Он был спокоен, как мраморная статуя. Белые одежды, падая назад с плеч ровными, красивыми складками, открывали руки, скрещенные на груди, и в этой позе видна была загадочная, непреодолимая сила Узника. Величие, власть, неоспоримое превосходство – все это торжествовало в чудном и несравненном Образе.

Крики толпы возобновились с еще большей яростью:

– Распни Его!

Далеко, в самых последних рядах, выделялся женский голос, серебристый и звонкий. Этот сильный, красивый звук еще больше подстегнул азарт разъяренных людей. Поднялась суматоха. Крик, вой, свист.

Пилат сердито и повелительно встал и повернулся к народу. Когда он поднял руку, гул понемногу смягчился, постепенно замирая. Но прежде чем воцарилась полная тишина, тот самый юный, сладкий, мелодичный голос, теперь с веселой ноткой прозвенел еще раз:

– Распни! Распни Его!

Задорный смех горячей волной окатил сердце Вараввы: его он слышал раньше, при других обстоятельствах...

– Скажите, какое зло Он совершил?

Вопрос прокуратора и реакция на него толпы отвлекли Варавву от приятных воспоминаний.

Стены судилища затряслись от страшного воя, насмешек, громового, звериного бешенства. Мужчины, женщины, дети – все принимали участие в этом хоре. К ним присоединились первосвященники, старейшины и расположившиеся прямо на полу писцы.

Пилат резко повернулся и, сдвинув брови, окинул грозным взглядом высокий суд. Первосвященник Каиафа, встретив этот взгляд, слащаво улыбнулся и мягко сказал, как бы делая приятное предложение:

– Распни Его!

– Действительно, хорошо бы Его казнить, – пробормотал Анна, толстый родственник Каиафы, исподлобья глядя на Пилата. – Почтенный правитель будто колеблется. Но ведь этот изменник – далеко не друг цезаря.

Пилат не удостоил их ответом.

Он сел в свое кресло и стал пристально смотреть на Обвиняемого.

Какое зло Он совершил? Правильнее было бы спросить: какое зло Он мог совершить? Разве был хоть малейший признак греховности на этом открытом, красивом и мудром челе? Благородство и правда запечатлелись в каждой черте молчаливого Узника. Кроме того, в Нем было нечто такое, что страшило Пилата, что-то не выговоренное, но бесспорно существующее – чрезвычайное величие, казалось, Его окружало и от Него исходило. И это тем более пугало, потому что было глубоко скрыто.

Пока взволнованный правитель изучал спокойную, величественную осанку Загадочного Обвиняемого, размышляя над тем, как лучше поступить, Варавва также пристально смотрел на Него, все более чувствуя удивительное, волшебное очарование Человека, Которого народ хотел убить.

Любопытство придало Варавве храбрости, и он спросил одного из солдат:

– Скажи, пожалуйста, кто этот пленный Царь?

– Царь? – солдат захохотал. – Да, Он называет Себя Царем иудеев и за эту шутку поплатится жизнью... На самом деле Он сын столяра. Он поднял бунт и убеждал народ не подчиняться закону. Кроме того, он вращается в среде закоренелых мошенников, воров, мытарей и грешников... Обладает искусством колдовства... Люди говорят, что Он может внезапно исчезнуть в тот момент, когда Его ищут. Но вчера Он даже не пытался скрыться. Его без труда схватили около Гефсимании. Один из Его учеников помог нам. Один говорят, Назорей сумасшедший, другие – одержим дьяволом. Но как бы то ни было, Он сегодня умрет!

Варавва слушал, не веря. Этот царствен. Человек – сын простого столяра?! Нет, это невозможно! Ему вдруг вспомнилось, что еще до его заключения ходили странные слухи, что некий Иисус творил чудеса, лечил больных и калек, возвращал зрение слепым, проповедовал бедным. Утверждали даже, что какого-то Лазаря, умершего и похороненного, Он спустя три дня воскресил из мертвых. Но эти слухи опровергали фарисеи и книжники, заявляя, что чернь

невежественна и суеверна, а Он, умея лечить тяжелые болезни, пользовался огромным влиянием среди народа в Своих целях.

Варавва не мог припомнить всего, что рассказывали об Иисусе. Полтора года, проведенные в тюрьме, многое изгладили из памяти, тем более, что в своем жалком состоянии узник думал только о собственном несчастье и представлял образ любимой. Теперь же он не мог думать ни о чем другом, кроме как о судьбе Того, с Кого не сводил глаз. И пока Варавва так пристально вглядывался, ему показалось, что зал суда вдруг расширился и наполнился ярким, ослепительным сиянием, которое исходило от фигуры Иисуса. Крик изумления вырвался из груди Вараввы.

– Нет, нет! – забормотал он. – Вы не можете, не смеее распять Его! Он – Дух! Такого человека не может быть. Он – Бог!

Один из солдат больно ударил его по губам.

– Молчи, дурак!

Пытаясь скованными руками стереть хлынувшую кровь, Варавва вдруг почувствовал, что Иисус смотрит на него. Прежде никто не одаривал Варавву таким взглядом – жалость и нежность были в нем. Он всем телом подался вперед, чтобы быть ближе к Тому, Кто так необыкновенно мог смотреть на людей. Ему хотелось броситься к ногам этого нового Друга, чтобы своей грубой, животной силой защитить Его ото всех! Но частокол обнаженных конин не позволял и надеяться на подобное.

Один из книжников, высокий и худой, в темной одежде, встал и, раскручивая свиток пергамента, монотонно начал читать обвинение, наспех составленное еще накануне вечером в доме Каиафы. Тишина внимания и ожидания воцарилась в толпе.

Пилат слушал, нахмурившись и прикрыв рукой глаза. Во время пауз ясней становился шум улицы, веселый голосок поющего ребенка звучал радостным колокольчиком. Солнце, стремящееся к зениту, освещало то яркую, кокетливую повязку на женских волосах, то блестящие латы римского солдата, и только члены суда оставались в холодной тусклой белизне, а пурпурные занавеси, на фоне которых они восседали, казались украшением величественных похорон.

Чтение обвинительного заключения закончилось, а Пилат все молчал. Наконец, убрав руку, которой прикрывал свои глаза, он окинул весь синедрион долгим, хмурым взглядом.

– Вы привели сюда этого Человека... В чем вы Его обвиняете?

Каиафа и Анна возмущенно переглянулись, после чего Каиафа с выражением глубоко оскорбленного достоинства и как бы даже с вызовом сказал:

– Все слышали обвинение, и вопрос почтенного правителя странен. Разве нужны еще свидетели? Если бы этот Человек не был злодеем, Его не привели бы сюда. Он богохульствовал. Вчера вечером во имя Всемогущего Бога мы спросили, Он ли Христос, Сын Вечно Благословенного, и Он смело ответил: «Я. И увидите Сына Человеческого, грядущего на облаке, с силой и славой великой». Разве Он не заслуживает смерти?

Шепоток одобрения пронесся среди священников и старейшин. Но Пилат сердито откинулся в своем кресле.

– Вы говорите притчами и только распространяете заблуждения. Обвиняемый сказал о Себе, что Он Сын Человеческий, а вовсе не Сын Божий...

Каиафа побагровел и хотел возразить, но, справившись с собой, продолжал с циничной улыбкой:

– Ты удивительно милостив, Пилат, твой государь не упрекнет тебя в слишком строгом правлении! По нашим законам, тот, кто богохульствует, подлежит смерти. Но если в твоих глазах богохульство не преступление, что ты скажешь об измене? Есть свидетели, которые клянутся, что Он подстрекал против платежа дани цезарю. К тому же Он лжец. Он надменно заявил, что разрушит святой храм, так что камня на камне не останется, и в три дня построит

новый и больший храм! Такие сумасбродные речи возбуждают народ. Вдобавок Он обманывал чернь, делая вид, что творит чудеса, хотя это просто ловкие фокусы. Наконец, Он въехал в Иерусалим с торжественностью царя, – тут Каиафа обратился к Анне. – Ты, Анна, можешь рассказать об этом, ты был там, когда устроили это возмутительное шествие.

Анна выступил вперед, сжимая руки и с показной честностью опустил свои бесцветные, фальшивые глаза.

– Свидетельствую перед законом, что я сам видел, как народ встречал этого изменника на дороге из Вифании с приветственными возгласами, устилая Его путь ветками пальм и маслин, даже своими одеждами, как перед всемирным победителем. Люди кричали: «Осанна! Благословен Грядущий во имя Господне. Осанна в вышних». Я был страшно удивлен и обеспокоен и сразу же пошел к Каиафе, чтобы рассказать ему про дикие, противозаконные действия толпы, про эту непристойную выходку черни – чествовать царскими почестями сына простого столяра из Назарета!

– Разве Он из Назарета? – спросил кто-то из старейшин. – Я слышал, что Он родился в Вифлееме Иудейском и что царь Ирод Великий будто бы узнал о различных чудесах, свершившихся при Его рождении...

– Это слухи, – торопливо заверил Анна. – Все знают, что Он из Назарета. Его родители живут там.

Пилат слушал молча.

Доводы Каиафы и Анны были обычным пустословием членов синедриона, которых он не любил. Он знал, что они искали только собственной выгоды и блюли лишь собственные интересы, а главная причина, почему они возненавидели Назорейского Пророка, был страх. Страх, что их власть поколеблется, их законы пошатнутся и их авторитет в народе исчезнет.

Они видели, что этот Узник, кто бы Он ни был, думал самостоятельно. Для власть предержащих нет ничего более страшного, чем свобода мысли, свобода совести и презрение к общепринятому мнению.

Пилат сам чего-то боялся – не так, как иудейские священники, но все же...

Он старался не смотреть на Назорея, высокая фигура Которого, казалось, излучала сверхъестественный свет, контрастирующий с бледностью и холодностью судей. Не поднимая глаз, он напряженно думал, но решить ничего не мог. А время шло... Синедрион изъяслял нетерпение. Пилат чувствовал, что молчать больше нельзя, что надо говорить и действовать. Он медленно повернулся к Обвиняемому, Который тотчас поднял голову и встретил спокойный взгляд прокуратора с великим терпением и бесконечной нежностью. Пилат задрожал, но, пересилив себя, громко произнес:

– Иисус Назорей, Ты слышишь, в чем Тебя обвиняют?

Человек в белоснежной одежде медленно и с царственной свободой стал приближаться к Пилату. Яркие лучи солнца, падающие из высокого окна, подчеркивали бронзово-золотистый оттенок Его волос. Не отводя глаз от своего судьи, Он смиренно улыбался, заранее прощая ему еще не совершенное преступление. Но Он не произнес ни слова!

Пилат был в ужасе. Ледяной холод проник в его жилы. Он невольно встал и попятился, хватаясь за золоченую резьбу своего судейского кресла. Приближение Существа в белоснежном одеянии наполнило душу прокуратора безумным страхом. Ему вспомнились старые предания, в которых Божество, внезапно явившееся людям, уничтожало их одним дыханием вечного величия. Миг, который Пилат простоял рядом с Божественным Обвиняемым, показался ему вечностью. С поразительной ясностью перед ним мелькнуло все его прошлое, и, как темная туча на горизонте, возникло предчувствие чего-то неминуемого и ужасного в будущем.

Не сознавая что делает, прокуратор закрыл лицо руками, как бы защищаясь от жестокого и сильного удара. Члены синедриона с удивлением смотрели на этот животный страх, охватив-

ший римского правителя. Один из старейшин – черноглазый хитрый старик быстро притиснулся к нему и, тронув за плечо, тихо сказал:

– Что с тобой, Пилат? Тебя хватил удар или ты сошел с ума? Прошу тебя, поспеши с приговором. Время идет, и на Пасху было бы неплохо исполнить волю народа. Что тебе этот преступник? Вели Его распять – Он изменник, называющий Себя царем. Но у нас нет иного царя, кроме цезаря. Спроси Его, правда ли, что Он хвастается Своей силой?

Пилат смотрел на непрошенного советчика, ему казалось, что он видит скверный сон и злые духи нашептывают ему о непроизносимых преступлениях. Усталый и с похолодевшим сердцем, судья все же признавал, что нужно продолжить допрос Узника. Облизав пересохшие губы, он спросил едва слышно:

– Ты ли Царь иудейский?

Сначала ответом было молчание. Потом голос, приятнее самой чарующей музыки, сказал спокойно:

– Ты говоришь от своего имени или так про Меня сказали?

Лицо Пилата покраснело, а руки судорожно ухватились за спинку стула. Он сделал нетерпеливый жест головой и резко ответил:

– Твой же народ и Твои первосвященники привели Тебя ко мне. Так что Ты сделал?

Внутренний свет ярче озарил глубокие, ясные глаза Назорея, таинственная улыбка еще явственней проступила на Его лице. Этим взглядом и этой улыбкой Он уже давал ответ, красноречивее всяких слов, который гласил: «Что Я сделал? Я пришел на землю к людям, чтобы сделать их жизнь сладкой и отнять у смерти ее горечь. Теперь есть надежда для всех, и рай для всех, и Бог для всех! И урок любви, Божественной и человеческой, воплощенной во Мне, осветит землю на веки вечные».

Но эти великие истины остались непровозглашенными, как слишком трудные пока для человеческого понимания.

Обвиняемый медленно ответил:

– Мое царство не от мира сего. Если бы оно было от мира сего, то Мои слуги дрались бы, чтобы не отдать Меня в ваши руки, но пока Мое царство не здесь.

И Он поднял голову и посмотрел на высокое окно, за которым сияло солнце. Вид Иисуса был проникнут таким величием и такой силой, что Пилат снова пошатнулся, потрясенный чувством неодолимого страха, сжимавшего его сердце.

Священники и старейшины, слегка подавшись вперед, внимательно слушали ответ Пленника. Иронически улыбаясь, Каиафа что-то сказал Анне.

Пилат неохотно продолжал допрос. Притворяясь спокойным и равнодушным, он спросил:

– Значит, Ты царь?

Божественный Узник бросил лучистый взгляд на тех, кто с таким судорожным нетерпением ждал, что Он скажет, и, спокойно и пристально глядя в глаза Пилата, ответил:

– Ты сказал.

И когда Он произнес эти слова, солнце озарило Божественное чело таким радужным сиянием, что, казалось, сами небеса венчали Иисуса.

Пилат молчал. Члены синедриона возмущенно шептались. Какие еще нужны доказательства? Он Сам произнес Себе приговор! Он признался в измене. Да будет Он предан смерти!

Солнечные блики скользили по белому одеянию Пленника, сливаясь с ярким светом, исходящим от Него.

В глазах у Пилата помутилось, в висках тупо стучало и ломило. Он почувствовал беспредельную усталость.

Красота Человека, Который стоял перед судом, была слишком впечатляюща, чтобы не оставить неизгладимого следа в душе прокуратора. Пилат понял, что, осудив Его на смерть,

он совершает великое преступление, о последствиях которого страшно подумать. Он хорошо понимал, какую активную роль играли в происходящем первосвященники Каиафа и Анна, добившиеся привлечения Проповедника нового учения к суду; знал, как и с чьей помощью они достигли этого.

Один сумасбродный молодой человек – Иуда Искарот, сын богатого ростовщика, приятеля Каиафы, примкнул к ученикам Иисуса Назорея. Легко было догадаться, что недовольный внезапной приверженностью любимого чада какому-то Незнакомцу, старик по наущению первосвященника употребил весь свой родительский авторитет, чтобы убедить сына предать Учителя.

Повернувшись к совету, прокуратор спросил:

– Где Иуда?

Старейшины и священники беспокойно переглянулись, но ответа не дали.

– Вы мне говорили, что Иуда привел стражу к тому месту, где скрывался Назарянин, – медленно продолжал Пилат. – Активный участник поимки должен быть здесь. Я хочу знать, что он скажет про Человека, за Которым сначала следовал, а потом вдруг предал Его. Приведите Иуду ко мне!

Анна подобострастно согнулся:

– Молодой человек бежал из города. Он впал в какое-то буйное помешательство. Вчера поздно ночью он явился к нам, громко оплакивал свои грехи и хотел вернуть те серебряные монеты, которыми ему оплатили оказанные услуги. Мы старались успокоить его, но он с бешеным бросил перед нами деньги и исчез.

– Странно, – сказал Пилат.

Отсутствие Искариота было ему крайне неприятно. Ему очень хотелось узнать, почему этот юноша внезапно изменил своему Учителю, но теперь, когда это оказалось невозможным, прокуратор почувствовал себя еще более угнетенным. Его окутал глубокий мрак, в нем он различал большие огненные круги, которые постепенно уменьшались, стягивали голову горячим обручем. Это ощущение все усиливалось, мешая дышать и смотреть – хотелось куда-то бежать и громко кричать, чтобы избавиться от этого кошмара. Но вдруг невыносимое страдание прекратилось, словно чье-то свежее дыхание коснулось пылающего лба прокуратора. Подняв глаза, он увидел, что кроткий взор Обвиняемого устремлен на него с выражением такой бесконечной нежности, любви и милосердия, что ему вдруг открылся смысл новой жизни и безграничного счастья, путь его прояснился.

Обращаясь к первосвященникам и старейшинам, Пилат твердо и решительно произнес:

– Я не нахожу вины в этом Человеке.

Оставив напускную сдержанность, Каиафа вскочил и яростно закричал:

– Ты с ума сошел, Пилат! Назорей возмущает народ, учит везде, что...

Анна, вытягивая свою длинную худую шею, торопливо перебил зятя:

– Он водит знакомство с одними только мытарями и грешниками, а всем благочестивым открыто обещает ад. Здесь присутствует раввин Миха, который слышал все это. Говори, Миха! Правителю мало наших показаний, чтобы вынести приговор этому мошеннику и богохульнику!

Старый раввин с темным сморщенным лицом и жестокими глазами пс медля встал и вынул из-за пазухи несколько вошечек.

– Эти слова записаны мною – я своими ушами слышал их в храме. Молодой фанатик не стеснялся проповедовать свои вредные теории даже в местах, отведенных для молитв. Посудите сами, разве Его слова не дышат ненавистью?

И, поднеся дощечки к самым глазам, он стал медленно читать:

– Горе вам, книжники и фарисеи, что затворяете царство небесное – сами не входите и желающих войти не пускаете. Горе вам, книжники и фарисеи, что поедаете имущество вдов и лицемерно долго молитесь; за это примете тем большее осуждение. Горе вам, книжники и

фарисеи, что обходите море и сушу, дабы обратить хоть одного, а когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас. Горе вам, вожди слепые, говорящие: если кто клянется храмом, то ничего, а если кто клянется золотом храма, то повинен. Безумные! Что больше – золото или храм, освящающий золото? Горе вам, книжники и фарисеи, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей и всякой нечистоты. Порождения змия, ехидны, как избежите вы осуждения? – тут Миха остановился и, победно взглянув на окружающих, заметил все тем же монотонным голосом. – Воистину, для того, кто всячески старается внушить народу, что Он кроток и миролюбив, эти слова достаточно резки и полны злобы ко всем представителям порядка и закона! В них мало кротости, зато много самолюбия и досады!

Легкая улыбка скользнула по лицу Пилата. В душе он преклонялся перед смелостью Человека, который не побоялся обличить ложь и лицемерие в самом храме – там, где они более всего торжествовали.

– Говорю тебе, Миха, тебе, Каиафа, и тебе тоже, Анна, – произнес прокуратор решительно. – Никакой вины в Нем я не нахожу.

– Выслушай меня, почтенный Пилат! – раздался дребезжащий, дряхлый голос, принадлежащий маленькой, уродливой фигуре старого ростовщика.

– Выслушай, прошу тебя! – сказал он с нескрываемым волнением. – Разве ты поставлен здесь не для того, чтобы соблюдать справедливость и защищать обиженных и угнетенных? Говорю тебе, великий прокуратор, этот Человек – злоумышленник, лжец и изменник!

Тут старый негодяй остановился, чтобы набрать побольше воздуха, так как задыхался от переполнявшей его ярости.

– Этот лживый Пророк два дня тому назад вошел в храм и, увидев меня на обычном месте, – а ты знаешь, благородный Пилат, я бедный, честный человек, – как сумасшедший набросился на меня и, схватив твердой, рукой, стал сечь веревочным кнутом! Он меня высек! – взвизгнул ростовщик. – И выгнал из святого места! Его уста были полны богохульства и проклятий. Он сказал: «Мой дом это дом молитвы, а вы из него сделали разбойничий вертеп!» Ты понимаешь, Пилат?! Он назвал Своим храм, так же как объявил Себя Царем Иудеев. Распни Его, почтенный правитель! Распни во имя Бога! И высеки! Пусть гордая и порочная кровь Назорея течет потоками из Его жил...

Пилат холодно улыбнулся.

– Захарий, ты поведал мне о хорошем поступке этого Человека. Ты давно заслуживал розги, и теперь, когда ты наказан, многие из твоих несчастных жертв в Иерусалиме возрадуются!

Смех раздался в совете, но быстро умолк под сердитым взглядом первосвященника Каиафы.

Захарий отошел, гневно бормоча, а Пилат спокойно продолжал:

– Более чем когда-либо я убежден, что нет вины в этом Проповеднике и Защитнике бедных и нет причины Его казнить, а потому, по обычаю Пасхи, я Его отпускаю.

– Народ тебя растерзает за такое необдуманное решение! – горячо воскликнул Каиафа. – Невинный человек, занимавшийся своим ремеслом, публично высечен, а ты, правитель Иудеи, не находишь нужным это прекратить?! Ты не друг цезаря, еслипустишь Виновника этого злодеяния! Кроме того, народ хочет освобождения Вараввы, который совершил преступление по неосторожности. Он сюда приведен по моему приказанию и ждет освобождения.

– И напрасно! – резко сказал Пилат. – Клянусь всеми богами Рима, он будет распят! Свободу Варавве?! Видно, у вас совсем нет памяти! Разве не он поднял бунт против римского правления? Не он проповедовал гораздо худшие вещи, чем этот невинный Назарянин? Наконец, разве не он убил одного из ваших фарисеев – Габриаса, человека ученого и знатного? Вы

из зависти хотите уничтожить благородную жизнь и сохранить подлую! Вы подговорили народ! Но теперь я сам обращаюсь к нему и возвращаю ему Того, Кого он называет Царем Иудеев!

И, встав со своего кресла, Пилат стал спускаться с возвышения, на котором размещались члены суда. Каиафа хотел было ему помешать, но Пилат отстранил его, и первосвященник сидел смущенный, скрывая бешенство. Его белые руки были стиснуты до боли, украшение на груди быстро поднималось и опускалось в такт учащенному дыханию. Его тесть Апиа тоже был совершенно уничтожен решением правителя и неподвижно смотрел в одну точку.

Зато Захарий, давая волю своим чувствам, раскидывал руки и бил себя в грудь:

– Нет больше справедливости в Иерусалиме! Горе, горе детям Авраама, попираемым железным каблуком Рима! Горе нам, рабам языческого тирана и притеснителя!

И в то время как тот восклицал и раскачивался своим худым, безобразным телом, Божественный Узник вдруг пристально на него посмотрел. Быстрая перемена произошла в поведении ростовщика: он перестал кричать и съежился, но все-таки шепотом продолжал произносить проклятия.

Иисус следил за ним, и благородный гнев ненадолго омрачил ясность Его чела, но тень справедливого негодования исчезла быстрее, чем появилась. Его лицо опять приняло выражение смиренного спокойствия и терпения, Божественные глаза еще пристальнее стали смотреть вверх, как бы ища поддержки в великолепии яркого солнечного света.

Между тем к Пилату подошел старик с белой бородой, всеми уважаемый член синедриона, и обратился спокойно и сдержанно.

– Верь мне, Пилат, ты не совсем благоразумен в этом деле. Из-за одного человека ты хочешь обидеть и народ, и первосвященников. Даже такой бунтовщик и разбойник, как Варавва, менее опасен для общества, чем этот молодой Проповедник нового учения, Который, пользуясь Своей красотой и физической силой, пытается заставить тебя отменить исполнение закона. Много таких к нам приходит из Египта, своими фокусами и краснобайством они покоряют народ, заставляя простодушных верить в свои сверхъестественные силы. Но даже самые опасные мятежники не заходили так далеко, как этот Назарянин. Ведь Он собирал вокруг Себя всю сквернейшую чернь Иудеи и обещал ей одной рай. Он объявил, что легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому человеку войти в Царство Божие! Своим нелепым учением Он прямо доказывает, что даже великий цезарь не избегнет вечного ада! Если такие понятия распространятся в Иудее и что еще хуже – по другим провинциям и даже в Риме – то твой государь тебя же обвинит за слишком большую снисходительность. Берегись, добрый Пилат! Милосердие тебе очень к лицу, но как бы оно не вытеснило разум.

Прокуратор слушал поучение с явным нетерпением. Его прямые брови от раздражения сошлись в одну линию. Он запальчиво сказал:

– Возьмите Его и судите по своему закону.

– Мы не имеем права приговаривать кого-либо к смерти, – вступил в разговор Каиафа. – Ты поставлен над нами цезарем, и к тебе мы обязаны обратиться за правосудием.

Толпа вдруг зашевелилась, нехотя раздвигаясь, чтобы дать пройти новому пришельцу – худенькому черноглазому юноше в бледно-голубом плаще. В молодом человеке, настойчиво пробирающемся сквозь толпу, Пилат узнал слугу своей жены, но не мог понять, что привело его сюда.

Подойдя к возвышению, посланец преклонил колено и подал прокуратору свиток. Пилат быстро взял его и, прочитав, изменился в лице. Вот что сообщала ему жена, одна из красивейших женщин Рима, гордая и бесстрашная Юстиция, питавшая самое глубокое презрение ко всем и всяческим обычаям, и предрассудкам:

«Не делай ничего этому Праведнику, я сегодня во сне много пострадала за Него».

Отпустив слугу, правитель Иудеи нервно скомкал письмо и задумался.

Глава IV

Если бы Пилат бесконечно мог продолжать свои размышления, ему это было бы приятно.

Что-то загадочное, необъяснимое волновало его, превращая наделенного немалой властью наместника владыки мира, как называли римского императора подданные, в слабую человеческую щепку, не способную ни управлять собой, ни приказывать другим. Пилат чувствовал себя вдруг состарившимся, словно десятки лет каким-то чудом молниеносно пронесли над ним с тех пор, как он увидел необычного Узника. Это внезапное внутреннее старческое бессилие лишало его способности действовать, замораживало кровь в жилах. Пилат сознавал, что все члены синедриона удивлены его нерешительностью и промедлением в деле, по их мнению, самом обыкновенном. Но для Пилата оно было великим и страшно трудным.

Наконец он с усилием встал и, подобрав многочисленные складки роскошной тоги, снова приготовился сойти с судейского возвышения. Почти умоляющим жестом он дал знак Обвиняемому следовать за ним, и Тот смиренно пошел за своим судьей. За ними тронулись первосвященники и старейшины, что-то шепча и качая головами по поводу странного поведения прокуратора. Позади тащился кривой ростовщик Захарий, опирающийся на толстую золоченую трость, украшенную драгоценными камнями. Этот роскошный предмет странно контрастировал с убожеством и грязью его нищенской одежды. Одобрительные возгласы слышались из толпы: наконец-то так долго ожидаемый приговор будет провозглашен!

Подойдя к решетке, отделяющей суд от народа, Пилат остановился. Повышая голос, чтобы его могли услышать последние ряды, он произнес, указывая на стоящего чуть позади Иисуса:

– Вот ваш Царь!

Дикий смех и свист грянули в ответ. Каиафа ехидно улыбнулся, и Анна весь затрясся, сдерживая смех. Пилат глянул на них, как патриций смотрит на плебс, – с безграничным презрением.

Он ненавидел иудейских священников со всеми их догмами и обрядами и вовсе этого не скрывал. Подняв руку, чтобы восстановить тишину, прокуратор снова обратился к ярящейся толпе:

– Я при вас допрашивал этого Человека и никакой вины, достойной смерти, не нахожу в Нем! У вас есть обычай, по которому я должен отпустить одного узника ради праздника Пасхи. Хотите, чтобы, я отпустил вам «Царя иудеев»?

Гул единодушного отрицания покрыл его голос.

– Нет. Этого нам не надо!

– Отпусти нам Варавву!

– Варавву! Варавву!

Пилат понял, что он обманут. Толпа, вероятно, была подготовлена первосвященниками и настойчиво требовала освободить известного разбойника вместо невинного человека; она имела полное право требовать, что ей угодно... единственный раз в году, в праздник Пасхи.

Раздосадованный, Пилат вздохнул и стал смотреть в первые ряды, словно отыскивая кого-то в толпе.

– Где Варавва? – сказал он нехотя.

Варавву вытолкнули вперед. Пилат смотрел на него негодуя. Варавва неожиданно ответил презрительным взглядом.

Он, долго представлявший себе эту встречу и боявшийся ее, вдруг душой восстал против «римского тирана», как недовольные иудеи прозвали Пилата; гордость и возмущение будоражили бунтарскую кровь. Если бы не удивительно лучезарный Облик Человека, Который с царственным спокойствием воспринимал происходящее, он ударил бы судью связанными руками.

Но он не сделал этого, хотя глаза его метали молнии, темная голая грудь бурно дышала и весь он казался воплощением сильного, первобытного, необузданного человечества.

Рядом с ним стоял великий Образец, выразитель совершенного, одухотворенного человека, чья натура сродни Богу, и которого из-за этого родства присуждали к позорной казни на кресте.

Дерзко глядя на Пилата, Варавва подумал о том, что если по воле народа его действительно освободят, он станет убеждать толпу быть милосердными к этому необычному Человеку, Который оказал на его темную, истерзанную душу какое-то волшебное влияние.

Размышления эти были прерваны резким вопросом Пилата:

– Итак, ты убил фарисея Габриаса?

Варавва усмехнулся:

– Да. И сделал бы то же самое, если б в городе нашелся еще один такой же подлый лжец!

Пилат повернулся к членам синедриона:

– Слышите, что он говорит? И этого убийцу вы хотите освободить? Он даже не раскаивается в своем преступлении! Разве он заслуживает прощения?

Каиафа, несколько озадаченный, ненадолго опустил глаза, потом поднял их, придав своему длинному лицу выражение сдержанности и милосердия.

– Добрый Пилат, ты не знаешь правды в этом деле. Варавва действительно виновен, но в его преступлении есть смягчающие обстоятельства. Мы научим его, как лучше искупить свое преступление перед Всевышним. А несчастный Габриас, хоть и был знатен и учен, но имел очень злой язык и оклеветал добродетельную девушку, которую Варавва любил.

Пилат надменно поднял брови.

– Твои слова отдают женской сплетней. Ведь не один Габриас злоязычен! Убийство есть убийство, грабеж остается грабежом, какие бы мотивы не побудили к этим преступлениям. Варавва – убийца!

И снова обращаясь к толпе, он повторил:

– Кого отпустить вам – Варавву или Иисуса, называемого Христом?

Народ выдохнул:

– Варавву! Варавву!

Пилат негодуя взмахнул рукой и через плечо посмотрел на Назарянина, погруженного в глубокое и, видимо, приятное размышление, так как Он улыбался.

– Какую же участь определить Тому, Кого вы называете Царем иудейским? – еще раз обратился к народу Пилат.

– Распни! Распни Его!

Ответ бил дан в страстном нетерпении, и, как и раньше, выделялся в хоре серебристый женский голос.

Варавва вздрогнул, как копь от удара шпор. С хищным блеском в глазах он искал в беснующейся толпе прекрасное лицо, которое так страстно хотел и боялся видеть. Но опять, покоряясь неосознанному порыву, он направил свой взгляд к месту, где солнечные лучи окружали сиянием Того, Кого Пилат называл Христом. Кому предназначалась глубокая любовь, озарявшая этот чудный Лик? Какое невысказанное слово дрожало на этих божественных устах? Варавве вдруг показалось, что вся его жизнь, со всеми тайнами, лежала открытой перед мягким проницательным взором, с такой заботливостью устремленным на него. И смерти такого необыкновенного Человека требовал бесконечно дорогой ему голос?!

– Нет! Нет! – забормотал Варавва, волнуясь. – Это не она! Не могла она так говорить! Она не может желать чьей-нибудь пытки!

– О, народ Иерусалима! – уже громко произнес он, повернувшись к толпе. – Зачем вы требуете смерти этого Пророка? Он никого не убил, ничего ни у кого не украл. Он лечил ваши болезни, разделял ваши горести, совершал чудеса для вас. И за это вы хотите Его казнить?! Где

же справедливость? Это я, я достоин наказания. Я, убивший Габриаса и радующийся этому злодеянию! Я, проливший чужую кровь и нераскаявшийся, заслуживаю смерти, а этот Человек невинен! Послышались смех, рукоплескания, крики:

– Варавва, Варавва! Отдайте нам Варавву!

– Заткните ему глотку! – кричал Анна. – Он сошел с ума!

– Сумасшедшего или нет, вы сами выбрали его для жизни, – спокойно заметил Пилат. –

Но, может быть, теперь вы от него откажетесь, так как он оказался защитником несчастного Назарянина.

Пока он говорил, грозная толпа качнулась к решетке. Солдаты, стоявшие в оцеплении, едва устояли от этого движения. Тысячи рук тянулись к неподвижной фигуре Христа.

– Распни! Распни Его!

Пилат шагнул вперед и гневно спросил:

– Распять вашего Царя?

Десятки сотен голосов ему ответили:

– Нет у нас царя, кроме цезаря!

– Своей нерешимостью, Пилат, ты добьешься бунта в городе, – сказал Каиафа с упреком. – Толпа уже неуправляема.

Высокий человек с седой головой, украшенной красным тюрбаном, кричал из толпы:

– По нашему закону Он должен умереть, потому что называл Себя Сыном Божиим!

Пилата словно ударили: Сын Божий!

Когда об этом говорил Каиафа, Пилат слушал его с презрением, зная, что первосвященник не остановится ни перед какой ложью, если она ему выгодна; но теперь, когда и в народе выдвинули это обвинение, оставить его без внимания было нельзя. Богохульство у иудеев считалось самым тяжким преступлением. Хотя сам Пилат, как римлянин, смотрел на это гораздо снисходительнее. Римские боги были так смешны, так похожи на людей своими преступными страстями, что почти не было причин ставить их выше человечества. Любой воин, удостоившись славы, мог смело утверждать, что он – сын Бога, нисколько не оскорбляя этим религиозных чувств соотечественников. А в таинственной стране, орошаемой ленивым Нилом, разве не поклонялись Озирису – богу, принявшему человеческий облик? Идея облечь божество в смертную внешность весьма популярна. Что же удивительного в том, что молодой философ из Назарета, увлекшись, присоединился к общечеловеческим преданиям?

Несколько успокоенный воспоминаниями о традициях различных верований и своими размышлениями, Пилат дал знак обвиняемому приблизиться.

Пленник подошел почти вплотную, и Пилат смотрел на Него с новым любопытством. Потом дружелюбным топом спросил:

– Откуда Ты?

Ответа не было. Только взгляд. Но в этом величественном взгляде заключалась сила, как в грозовой туче. Страшная тоска и предчувствие чего-то ужасного, неминуемого снова стиснули сердце прокуратора. Ему хотелось кричать, дать выход внутреннему напряжению, высказать всем – первосвященникам, старейшинам, народу, как он страдает, как тягостны ему судейские обязанности... Но слова умирали в горле, отчаянное чувство безнадежности и бессилия сковали его волю.

– Почему Ты молчишь? – произнес он хриплым, тихим голосом. – Разве не знаешь, что я имею власть распять Тебя или отпустить?

Большие лучистые глаза смотрели на прокуратора с жалостью. Христос сказал:

– Ты не имел бы надо Мной никакой власти, если бы это не было дано тебе свыше. Поэтому больше греха на том, кто предал Меня тебе.

Всевидящий взор передвинулся на Каиафу, который при этом отшатнулся, как от пламени.

Находясь под впечатлением величия, власти и бесстрашия этого Узника, Пилат снова стал припоминать различные легенды об изгнанных монархах, бродящих по всему миру, проповедующих мистические учения Востока и обладающих чудесным даром врачевания.

А вдруг этот так непохожий на иудея Узник, несмотря на разговоры о Его плебейском происхождении, и был одним из развенчанных царей? Эта идея увлекла Пилата, и он спросил:

– Ты – Царь?

Он вложил в эти слова особенную интонацию, намекающую Пленнику, что если это так, то освобождение еще возможно. Но Назарянин устало вздохнул:

– Ты говоришь, что Я – царь.

И с чувством сострадания к своему судье добавил:

– Я родился и пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине. Всякий, кто от истины, слушает голос Мой.

И вдруг Пилата осенило. Это никакой не изменник, не преступник, не царь, а просто сумасшедший! Тот, кто хотел свидетельствовать об истине в этом мире, полном лжи и лицемерия, был болен! Разве ложь не существовала всегда? Разве не будет она вечной? Разве афинянин Сократ 500 лет назад не был убит потому, что провозглашал истину?

Хорошо знакомый с греческой и римской философией, Пилат знал, что в любом обществе всегда преследовали тех, кто открыто говорил, что думал.

С отчаянием глянув на Обвиняемого и обвинителей, он решился сделать то, от чего вся душа его содрогалась. Поманив к себе одного из служителей, Пилат дал ему какое-то приказание.

Тот удалился и быстро вернулся с большой серебряной чашей, наполненной водой. Тогда правитель встал и направился к толпе. Служитель нес за ним чашу.

Народ недоумевал, но зорко, словно хищник за жертвой, следил за непонятными действиями правителя. А он, завернув до самых локтей золотом расшитые рукава, высоко поднял руку так, что все перстни заискрились в лучах солнца, медленно погрузил ладони в воду и, затем протянув их к народу, резким, громким голосом произнес:

– Не виновен я в крови этого Праведника: смотрите!

Толпа взвыла. Она поняла и принимала вызов. Римский судья публично снимал с себя всякую ответственность за происходящее – да будет так! Они же, избранники Бога, дети Израиля, с восторгом ухватились за великолепный случай казнить Невинного.

Послышался оглушительный крик:

– Кровь Его на нас и детях наших!

Глава V

Невежественная, бессердечная толпа не обладала на справедливость, ни милосердием; как капризная, вздорная женщина, она требовала исполнить ее прихоть.

Пилат понял, что если он рискнет продолжать защиту Обвиняемого, пыл толпы перелется через край и дело кончится беспорядками.

Видя, что Пилат смирился с неизбежностью, Каиафа облегченно вздохнул: колебания прекратились; Иисуса из Назарета казнят. И он радостно стал нашептывать что-то своему тестю Анне, который, слушая его, удовлетворенно потирал руки и поднимал глаза для благодарственной молитвы в честь избавления святого города от опасного человека.

– Он умрет, – шептал Каиафа, – и о Нем скоро забудут. Его немногочисленных учеников будут презирать, Его безумное учение будет осмеяно. А мы уж проследим за тем, чтобы Его рождение, учение и смерть не были упомянуты в летописях... Уличный бродяга! Проповедник рая для черни! Его имя будет забыто!

– Конечно, конечно. – соглашался Анна. – Ты, Каиафа, слишком много значения придавал бредням Назарянина. Многие самоуверенные философы, глупые поэты и проповедники типа этого надеются на то, что если их не признают современники, они станут известными потомкам. Но напрасно! История не сохранит Его имени, никто не будет знать, что Он существовал!

Каиафа холодно улыбнулся и прибавил:

– Его ученики неграмотны, а наши книжники запишут то, что мы им прикажем.

Этот разговор был слышен ростовщику Захарию, и он одобрительно кивал головой. Смертный приговор, вынесенный ненавистному Назарянину, изгнавшему его из храма, как бальзам действовал на душу скряги.

Хотя Пилат омовением рук показал всем присутствующим свою непричастность к преступлению, он с лихорадочной быстротой и чувством омерзения все же продолжал исполнять свои обязанности правителя. На его лице то полыхали яркие краски стыда, то мертвенной бледностью проявлял себя страх. Он избегал смотреть на Осужденного.

По приказу Пилата двадцать солдат с обнаженным оружием окружили Приговоренного к казни, Который так же молчаливо и неподвижно стоял в ярких солнечных лучах. Охранники – грубые мужланы – издевались над Ним. Он же словно не замечал этого.

В то время как охрана Иисуса умножилась, Варавву, наоборот, оставили одного. Офицер подошел и снял оковы с отекавших рук. Они с грохотом упали на каменный пол. Этот звук возбуждающе подействовал на толпу, и все принялись восторженно кричать:

– Варавва!

– Радуйся, Варавва!

А он ошалело смотрел на сброшенные наручники, восемнадцать месяцев день и ночь обвивавшие его запястья, причинявшие боль. Он поднимал руки, водил ими в воздухе, трогал себя и удивлялся быстроте и легкости собственных движений. Но восхищения свободой, о которой он столько мечтал, не было.

– Не прикажешь ли ты, Пилат, надеть эти браслеты Назорею? – послышался вкрадчивый голос Каиафы. – Когда Его поведут на казнь, Он может взбунтоваться.

Пилат нахмурился.

– Для чего? Разве Он сопротивлялся при аресте? Разве сейчас Он оспаривает приговор? Он молчаливо покорился судьбе, предписанной вами. Зачем же вязать Его?

Дут взгляд прокуратора скользнул по Варавве.

– Чего ты ждешь, негодяй? Вон отсюда! Народ тебя освободил, чтобы ты мог убивать и грабить дальше.

Варавва вздрогнул, его темное лицо налилось кровью. Эти слова его глубоко задели, но он не возражал. Он словно прилип к месту и не мог оторвать взгляда, полного раскаяния и тоски, от Лица Того, Кто вместо него был приговорен к смерти. Ему вдруг показалось, что мягкий свет окружил голову Назорея; бледное туманное кольцо становилось все ярче и ярче. Он испуганно огляделся: видят ли остальные это чудо. Неужели Пилат, священники, солдаты, народ слепы к тому, что так ясно видит он сам?

– Ты что, не слышал приказа правителя? Убирайся! И не подходи близко к дому Искарियों!

Этот наказ Каиафы, произнесенный сердитым шепотом, отвлек Варавву от созерцания чуда и вызвал в нем раздражение. Сияние над головой Назорейского Пророка исчезло. Окинув презрительным взглядом судилище, Варавва гордо выпрямился и быстрыми шагами пошел от решетки в ту часть зала, где помещался народ.

Его приняли как победителя. Мужчины обнимали его, женщины со смехом целовали, маленькие дети прыгали, визжа от радости, которой они заразились от взрослых. Сияя востор-

гом, хорошо одетый человек сиял с своих плеч богатый плащ и, прослезившись от умиления, накинул его на освобожденного узника.

Толпа торжествовала. Ее слово и воля даровали свободу арестанту. Убийцу приветствовали ликующими возгласами, словно входящего на престол царя.

Задохнувшийся от поцелуев и объятий, закутанный в дорогой плащ, которым его наградила человеколюбивый незнакомец, Варавва придумывал способ избавиться от бурных лобзаний. Зная цену таким проявлениям дружбы, он был утомлен и раздражен. Толпа ему была интересна лишь тем, что в ней он искал лицо, которое было для него олицетворением счастья.

Вдруг кто-то крикнул:

– Смотрите, Назорея бьют!

Толпа дружно хлынула за новым зрелищем. Становясь на цыпочки, вытягивая шеи, люди старались разглядеть, как это происходило. Мужчины высоко поднимали детей. Варавва, притиснутый толпой, очутился у самой решетки и видел все.

Плотнo окружив Назорея, солдаты грубо срывали с Него одежды, а Он смиренно сносил удары. Офицер подал Пилату плетъ, свитую из длинных, связанных в узлы веревок, с острыми гвоздями. Одна из обязанностей правителя состояла в том, чтобы собственноручно наказывать приговоренного к смерти преступника, но тот, кто должен выполнить эту работу, дрожал всем телом и, отстраняя варварское орудие пытки, отрицательно тряс головой. Зрители недоуменно переглядывались: почему прокуратор медлит? Человек из Назарета, на обнаженных плечах Которого играл солнечный свет, с глубокой жалостью смотрел на своего несчастного палача.

– Ты уклоняешься от своих обязанностей, Пилат! – прозвучал негодующий голос первосвященника Каиафы. – Время дорого. Исполни, наконец, свой долг – бей!

Глава VI

Прокуратор, затравленно озираясь, все не решался ударить. Лицо его было безжизненным, и в своем богатом одеянии он казался мертвецом, приготовленным для погребения. О, если бы боль в его сердце усилилась так, чтобы, потеряв сознание, он мог избавиться от ужасной необходимости бичевать это царственное смирение, это олицетворенное терпение! Но жизнь, хотя и причиняла ему жестокие страдания, отказывалась его покинуть, и народ, которым он управлял, требовал от него полного исполнения обязанностей. Прокуратор протянул руку и, взяв плетъ, спотыкаясь, медленно подошел к Осужденному.

Не в его власти было отменить закон, он – несчастное орудие судьбы. С глубоким отвращением к себе самому и к тому, что должен был совершить, он отвел глаза.

Бич тяжело и с жгучим шипением ударил по телу, и опять поднялся, и опять опустился... Кровь оросила мраморный пол.

Но Божественный Страдалец не произнес ни звука, не издал ни вздоха боли. Никакой пророческий голос не провозгласил истину: «Он был ранен ради наших прегрешений, и Его ранами мы исцелены».

Странное для такой шумной оравы молчание царило в толпе, с любопытством следившей за исполнением наказания. Но когда острый железный гвоздь вцепился в золото волос Узника, послышался истерический женский плач. Он отвлек Пилата от страшного дела, и пытка приостановилась.

– Еще, еще, благородный правитель! – раздался резкий, надтреснутый голос ростовщика Захария. – Твои удары могут повредить лишь ребенку! Он бил других, теперь пусть Сам попробует кнута. Он еще ни разу не крикнул. Он еще не ощутил боли. Бей еще, превосходный Пилат, справедливость того требует! Он бичевал меня, старого, честного человека, пусть испытает плетъ на Себе, а то умрет не раскаявшись! Пусть твои удары будут сильнее!

Он выкрикивал это, яростно жестикулируя. Вдруг роскошная трость выпала из его рук и упала на мраморный пол; огромная жемчужина выскочила из оправы. С отчаянным криком старик упал на колени и стал шарить по полу своими когтистыми пальцами, ощупывая каждую щель и умоляя помочь ему.

Угрюмая улыбка появилась на многих лицах, но никто не пошевелился. Горько рыдая, совсем потеряв человеческий облик, старый ростовщик ползал на четвереньках по полу здания.

Пилата позабавило поведение Захария, он рассмеялся и далеко откинул от себя окровавленный кнут.

– Почему ты так быстро закончил бичевание, Пилат? – вкрадчиво спросил Каиафа.

Глаза Пилата загорелись бешенством.

– Не раздражай меня! Я сделал свою проклятую работу.

Каиафа отпрянул. В выражении лица правителя Иудеи было нечто такое, что заставило первосвященника утратить прежнее хладнокровие. Он испугался. Но, быстро придя в себя, он сделал знак центуриону, что бичевание закончено.

Охрана тесно окружила Приговоренного и через специальную дверь стала выводить Его на улицу, чтобы конвоировать к месту казни.

Пилат спрятался от взоров толпы за мраморную колонну и, прислонившись к этой холодной опоре, старался понять причину ужасного переживания, которое испытывал. Казнь Пророка, назначенная сегодня в Иерусалиме, казалась ему самым великим преступлением во всем мире и во все века. Он вынул из складок тоги письмо жены и прочел: «Не делай ничего этому Праведнику, я сегодня во сие много пострадала за Него».

Почему страдала Юстиция? Во сне?! Она, которая никогда не ведала, что такое сновидение, смеялась над предсказаниями и насмехалась над самими богами! Она в определенной степени была жестокой и немилосердной, ей было присуще то, что римляне называют героизмом. Она спокойно и даже с наслаждением смотрела на бои гладиаторов. Когда ей было всего двенадцать лет, она хладнокровно следила за тем, как сдирают кожу с раба, уличенного в краже. И теперь ее возражение против казни неведомого ей преступника было не случайным.

«Не делай ничего этому Праведнику...» Что бы сказала Юстиция, увидев сейчас этого Праведника! Пилат содрогнулся от ужаса, представив, что произошло и что еще произойдет. Он бы отдал жизнь, чтобы этого не случилось, но знал, что это невозможно. Чернь провозгласила свою волю! Не было никакой защиты для той истины, которая отвергнута ложью всего мира! Не было никогда, да и вряд ли будет!

Размышления Пилата прервал шум, снова возникший в толпе. Конвоируя Пленника по ступенькам, ведущим на улицу, воины остриями своих копий толкали Его вперед, надеясь, что Он потеряет равновесие и упадет и это даст им новый повод для издевательств. Но Божественный Страдалец, по плечам Которого струилась кровь, шел прямо. Ни боль, ни оскорбления не нарушали Его величия, лучистые глаза по-прежнему выражали любовь к людям и недоступное человеку знание.

А стража свирепствовала, потешаясь и крича в уши Пленнику непристойности. Один из охранников раздобыл где-то красный плащ и, накинув его на израненные плечи Иисуса, закричал, указывая на Него пикой:

– Радуйся, Царь Иудейский!

Эта шутовская выходка вызвала одобрительные крики толпы. Варавва один пытался возражать:

– Стыдитесь! – кричал он. – Стыдитесь, римляне! Стыдитесь, люди Иерусалима! Зачем издеваться над несчастным?

Но голос его тонул в общем шуме. Всем понравилась выдумка солдата, и в толпе, издеваясь, кричали:

– Царя венчали!

Другой солдат, вдохновленный примером первого, вышел на улицу и принес ветки дикой розы, густо усыпанные шипами. Оторвав листья и бутоны, он придал колючим стеблям форму венца и под шумные возгласы и смех подошел к молчавшему Христу.

– Радуйся, Царь Иудейский, – крикнул он, надевая терновый венец на Божественного Узника и так плотно прижимая ко лбу, что кровь выступила на нем густыми каплями. – Радуйся! Радуйся!

Со смехом многие люди упали на колени, кривляясь и простирая руки как бы в знак поклонения, повторяли:

– Радуйся, Царь Иудейский!

Но с таким же успехом они могли нападать на солнце или издеваться над звездой. Тот, над Кем они безжалостно шутили, был спокоен. Он не произнес ни слова. И это раздражало толпу.

– Будь Он проклят!

– Разве у Него вырвали язык?

– Что, Он не хочет больше проповедовать? Заставьте Его говорить!

Один из стражников ударил Иисуса копьем:

– Говори! Ты часто рассказывал про грех и добродетель! Почему же молчишь сейчас?

Но ни насмешки, ни удары не заставили Узника ответить. Его благородные черты остались невозмутимыми. Лучистые глаза все так же были устремлены ввысь и словно наслаждались каким-то видимым только Ему великолепным зрелищем, и лишь сочившаяся из-под шипов тернового венца кровь была свидетельством того, что Он страдает.

Словно в бреду видел Пилат, как Иисуса грубо толкали и смеялись над Ним. Прокуратор вдруг ринулся через зал и загородил путь страже. Опешившие воины прекратили свои издевательства над Пленником и остановились, опершись на копья.

В последний раз Пилат посмотрел в лицо Осужденного. Избитый, истекающий кровью, в колючем венце, шипы которого впивались в виски, Он встретил этот тоскливый взгляд с нежностью и спокойствием. Пилат вдруг с ужасом увидел, что над шутовским венцом Иисуса светится еще один – сплетенный из трех золотистых лучей; его сияние, казалось, соединяло небо и землю.

Почему появился этот нимб? Что означает это волшебство? Как утопающий цепляется за щепку, плавающую над морской бездной, так и Пилат, схватив красную мантию, облегающую Спасителя, потянул ее к себе. Узник не сопротивлялся и покорно дал отвести Себя на последнюю ступеньку лестницы, ведущей из здания суда. Там, в Своем трагическом величии Иисус оказался лицом к лицу с народом. Люди, ради которых Он жертвовал Собой, молчали.

С раздирающей сердце болью, ошеломленный и уничтоженный видом страдающего и не сопротивляющегося величия, Пилат отбросил край багряницы, словно она жгла его, и, высоко подняв руки, не заботясь о том, поймут ли его, закричал на своем родном языке: – Ессе Номо!¹

В припадке смеха, и плача он снова судорожно схватил край одежды Обреченного, уткнулся в нее, чтобы заглушить рвущие душу стопы, и внезапно упал лицом вниз.

Глава VII

Толпа испуганно ахнула. Несколько человек подбежали, чтобы оказать помощь правителю. Но никто не ушел – все хотели идти за Осужденным, чтобы увидеть Его смерть. Быть свидетелем последнего вздоха умирающего для многих представляется развлечением. А в этот день, кроме молодого галилейского Пророка, намечалось казнить еще двух преступников. Зрелище это редкое, и толпа не хотела его упустить.

---

¹ Это человек!

Римские воины, озадаченные неожиданной болезнью Пилата, приписывали ее чародейству Назарянина и уже потеряли охоту шутить. С мрачным видом вывели они Его из здания суда.

Утро было нестерпимо жаркое. Во дворе, безуспешно пытаясь охладить знойную синеву неба, бил серебряистой струей фонтан.

Здесь отряд остановился, а центурион вступил в разговор с человеком, на котором лежала обязанность поставлять кресты для преступников. Тот сомневался, найдется ли у него достаточно высокий и крепкий крест, чтобы выдержать сильную фигуру узника в терновом венце.

– Напрасно Его осудили! – говорил человек центуриону Петронию. – У Него благородный вид. Разве ты не помнишь, как Он вылечит слугу твоего друга? Нехорошо подвергать Его позорной смерти!

– Наш правитель был против возразил. Пилат хотел Его спасти, – тихо сказал Петроний. – Это иудеи потребовали смерти.

– Наверно, потому, что Он – не иудей.

– Нет, Он иудей, – ответил Петроний. – По крайней мере, так говорят. Он сын столяра из Назарета, и мать Его, Мария, была недавно здесь.

Поставщик крестов недоверчиво качал головой.

– На вид он чужестранец, хотя и не грек, и не римлянин, и не египтянин... Я не могу определить его национальность, но готов поклясться, что Он не иудей! А с крестом вам придется подождать, пока я подберу подходящий... Был бы я таким силачом, я бы одним ударом раскидал всю стражу...

И, смеясь своей шутке, он с несколькими помощниками ушел в мастерскую.

Нетерпение людей усилилось. Время шло, а Осужденный все еще был здесь, а не на Лобном месте. Кое-кто покинул плотные ряды толпы, чтобы выпить вина в кабачке. В их числе был и Варавва, окруженный прежними своими друзьями.

Сначала он был занят только едой, так как, голодавший столько времени, все не мог насытиться. Но, утолив наконец голод, он мрачно сидел, не присоединяясь к общему веселью.

– Что с тобой, приятель? – спросил его один из товарищей. – Ты скучнее умирающей собаки! Где твоя удаль?

– Пропала! – ответил Варавва резко. – Раньше я был весел, не зная почему. Теперь я грущу без причины... Это преступление – казнить Невинного Назарянина!

Его друзья расхохотались.

– Тюрьма тебя сделала слабой женщиной, Варавва! Ты – волк, вдруг превратился в ягненка? Кто бы мог подумать! Ты жалеешь человека, которого совсем не знаешь, и который к тому же вполне заслужил наказание!

– Этот Человек невиновен! – Варавва встал.

Все бросили пить и пристально смотрели на него.

– Я говорю вам, нет греха в молодом Пророке. Он много сделал добра людям, и я, глядя на Него, увидел...

Варавва замолчал, раздумывая, стоит ли говорить дальше.

– Что? Что ты увидел? – любопытство разбирало его друзей. – Он одержим бесом?

– Нет! – Варавва отвернулся от них с горькой усмешкой. – Ничего того, что вы могли бы или хотели увидеть!

Вся компания удивленно смотрела на него. Неужели этот задумчивый печальный человек и есть Варавва, буйный их товарищ?

– Извините, что прерываю ваше веселье, но я хочу высказать почтение и приветствовать избранника народа...

Приятный насмешливый голос вдруг произнес эти слова у стола, где сидел Варавва с друзьями.

– Велики дети Израиля! Правилен их приговор по каждому вопросу, непогрешимо, их решение! Велик тот, кто оказался достойным их милости! Значит, велик Варавва, и я его приветствую!

Каждая нотка этой маленькой речи язвила иронией. Все повернулись, чтобы глянуть на говорившего, и, сделав это, отшатнулись в страхе. Но Варавва, не знавший этого человека, смотрел на него как на обычного незнакомца, хотя и не без любопытства. Перед ним стоял мужчина с оливковым лицом, небольшого роста, изящного, но крепкого телосложения. Глаза под прямыми черными бровями так блестели и были такого странного цвета, что казались сверкающими камнями. Они были темными, со странным золотистым блеском, и порой становились совсем светлыми. Он выглядел как чужестранец – одежда его была из мягкой желтой ткани, широкий плащ схвачен у шеи богатой опаловой пряжкой.

Неприятное впечатление, которое произвело на всех появление нового посетителя, казалось, ему самому доставило радость. Он подошел ближе к Варавве и низко, шутовски поклонился. Варавва недоуменно смотрел на него.

– Превосходный Варавва! – продолжал гость все тем же холодным, приятным голосом. – Не откажи мне в своей дружбе! Я странник и чужеземец! Я варвар, знающий мало, но я не бесполезен в вещах, касающихся твоего благополучия, например, в любви!

Варавва насторожился. Один из друзей тихо зашептал ему на ухо:

– Это Мельхиор! Не перечь ему! У него скверная репутация, он водится с нечистой силой!

– Я не знаю его, – сказал Варавва громко, не обращая внимания на подмигивания товарищей. – И его приветствие мне безразлично, даже такое пылкое и льстивое.

Незнакомец улыбнулся.

– Люблю честность! – сказал он. – Ты честен, Варавва!

Грубый смех прокатился по комнате. На Варавву он подействовал, как удар кнута.

– Да, ты меня пока не знаешь, но мы с тобой познакомимся! Меня, действительно, зовут Мельхиор, как сообщил тебе твой сосед, но дружбы с демонами я не вожу!

Его глаза сверкнули как топазы.

– Ты почти наг под этим одеянием, – он дотронулся до дареного плаща. – Вот великолепная эмблема всего человечества! Сверху – роскошь, а под ней самая грязная беднота! Ступай за мной и смой тюремную грязь. Я живу в этой гостинице, в моей комнате ты можешь переодеться, чтобы предстать в приличном виде перед глазами девушки, которую ты любишь. Иначе она будет смеяться над тобой. Пойдем!

Но покрасневший Варавва не тронулся с места.

– Я не для того получил свободу, чтобы снова стать рабом! К тому же у меня нет времени – я хочу видеть смерть приговоренного Назарянина.

Лицо Мельхиора подернулось грустью.

– Ты непременно увидишь эту смерть, – сказал он. – Но та, которую ты любишь, тоже будет там. А разве ты похож на любовника в таком наряде? Скорее на дикого медведя!

Он рассмеялся и настойчиво продолжал:

– Еще раз повторяю, что в моей комнате ты можешь прилично одеться и... услышать новости, которые тебя заинтересуют. Предлагаю тебе следовать не за мной, а за собственным желанием.

И мягкой кошачьей поступью иноземец начал подниматься по узкой лестнице, ведущей на второй этаж постоялого двора. Растревоженный его словами, Варавва внимательно следил за тем, как Мельхиор уходил, затем, невольно повинувшись таинственной силе, поспешил за ним.

Глава VIII

Он с ума сошел!

Кто – Мельхиор или Варавва?

Оба!

Такие восклицания раздались после их ухода.

– Кто этот Мельхиор? Чем он занимается? – подозрительно спросил кто-то из оставшихся.

Хозяин гостиницы с угодливыми манерами подошел к ним и заискивающе сказал:

– Мне кажется, вы напрасно подозреваете Мельхиора в темных делишках. Он бесспорно человек богатый и умный. Точно никто не знает, из какой он страны, но вернее всего из Египта...

– Не удивительно, что ты так хорошо отзываешься о нем, бен Эзра! – засмеялся один из гостей. – Ты знаешь, как наполнить свой кошелек золотом. Надо быть глупцом, чтобы бранить курицу, несущую золотые яйца... Со своего постояльца ты наверняка дерешь вдвойне! Деньги всегда создают хорошую репутацию!

Эзра улыбнулся и стал убирать пустые кубки.

– Должно быть, вы правы, – добавил он немного спустя. – Хозяин не станет ругать щедрого постояльца... Но все же вы зря опасаетесь Мельхиора, его поведение всегда безупречно, он никому не делает вреда.

– Откуда ты знаешь? – не унимался спорщик. – Имеющие превосходную репутацию очень часто оказываются чародеями и колдунами. Доказательством может служить грешный Пророк из Назарета. Разве у Него не лицо ангела? А Он проклял священный храм и уверял, что от его бывшего величия не останется и следа. За это одно Он достоин смерти. Назорей только глянул, и Пилат чуть не сошел с ума.

– Да, да! Верно! – поддержали спорщика товарищи.

Вспомнив о предстоящей казни, вся компания встала. В то время как посетители расплачивались с хозяином, шум на улице стал сильнее. Все невольно переглянулись и, поскорее закончив расчеты, выбежали из гостиницы.

Огромная толпа загрохотала по главной улице так, что торговцы, ведя нагруженных мулов, не могли расчистить себе проход и сворачивали на боковые улочки. Уже начиналась давка и паника. Громко плакали потерявшиеся дети, взвизгивали женщины. Впереди толпы вели Назорея в колючем венце. За Ним четыре человека несли большой крест, основание которого волочилось по земле – целиком поднять его на плечи им было не под силу.

Голгофа – Лобное место, где казнили преступников, находилась недалеко от городской стены. Туда и направлялось шествие.

Скоро к нему присоединились еще двое – Мельхиор и Варавва.

Варавва был одет в тунику и плащ темно-пурпурового цвета с золотой каймой, борода и волосы приведены в порядок. В таком виде он совсем не походил на грязного полуголового разбойника, кем и был еще рано утром. Варавва не отходил от нового знакомого, боясь упустить его из виду. Но главной его заботой было видеть в толпе высокую белую фигуру осужденного Царя Иудеев.

– Преступление – казнить невинного! – бормотал он.

– Нет, не преступление, если народ желает этого! – возражал ему Мельхиор, и было трудно понять, с иронией или всерьез он говорит. – Убивать безгрешного – всегда наслаждение для грешника. Разве не ставят ловушки певчим птицам и не вонзают нож в горло молодой лани? Разве грубая рука не рубит под корень дерево и не гибнет цветок под ногой безжалостного прохожего? Все стремятся уничтожить красоту и чистоту! Беспорочным телом и ангель-

ской душой обладает этот увенчанный шипами Властитель многих стран, а посмотри, сколько нас идет, чтобы увидеть, как Он умрет!

Варавву озадачили слова «Властитель многих стран», и он шел, повторяя их в уме и стараясь понять.

Многочисленная толпа вдруг остановилась. Огромный крест выскользнул из рук несших его людей, и они безуспешно суетились возле, пытаясь снова водрузить его на плечи. Но им это не удавалось, и они решили передохнуть. Один из них приметил в толпе огромного широкоплечего человека, удлинённый разрез глаз которого и одежда вызвали предположение, что он не принадлежит к народу Израиля.

– Симон! Иди сюда! Помоги нам, Киринеянин!

– В чем я могу помочь? Избавить Иерусалим от всех воров и мошенников? Но тогда город опустеет!

В словах великана были независимость и даже дерзость. Но увидев светлый Лик Приговоренного, он уже другим, почтительным тоном спросил:

– Кто этот Человек? Царский сын?

– Ты, должно быть, сильно навеселе, если в опасном преступнике видишь царского сына, а нас называв ешь ворами и мошенниками, собака!

– Пусть он несет крест Назорея! – послышалось из толпы.

– Да, да! Пусть несет! Это подходящее наказание для глупого Киринеянина!

Верзила Симон хотел расправиться с обидчиками по-своему и кулаками расчистить себе путь к отступлению, но вдруг встретил ясный взгляд Христа. И ноги сами понесли его к тому месту, где лежал крест.

Его с радостью встретили усталые носильщики.

– Пусть поработает твоя широкая спина, Симон! А где твои сыновья?

– Дались вам мои сыновья! – пробурчал гигант.

– Один пьянствует, а другой торчит у менялы, – ответил за Симона стоявший рядом маленький бродяга.

– А ты болтаешь лишнее, – хотел дать тычка дерзкому мальчишке Симон, но передумал и ограничился наставлением: – На моей родине тебя бы высекли за то, что ты открываешь рот, когда тебя не спрашивают! В Киринее уважают старших!

– Это ты-то старший! Ты – раб, покрытый грязью! Неси крест, да смотри не споткнись!

Симон колебался: мальчишке все-таки стоит наподдать. Но как отнесется к этому толпа и стража? А главное, ему мешали это сделать печальные глаза Ведомого на смерть. Наверное, по велению этих глаз Симон не сопротивлялся, когда несколько человек с шутками и насмешками подняли огромный крест и возложили эту непомерную тяжесть на его плечи.

– Хорошо ли тебе, великан из страны гор и моря? – кричала из толпы старуха, грозя своим сморщенным кулачком. – Будешь хвастаться своей Киринеей и силой, которую она тебе подарила? Мы еще услышим, как затрещат твои кости, киринейский разбойник, осмелившийся ругать детей Израиля!

Симон не отвечал. Обхватив основание креста своими могучими руками, он нес на спине страшную тяжесть с удивительной легкостью.

Римляне восхищались и завидовали этой геркулесовой силе.

Центурион Петроний подошел к нему поближе и тихо, сострадающе спросил:

– Ты сможешь донести крест до Голгофы?

– С этой ношей я дойду до края света, – грубый бас Симона дрожал от глубокой нежности. – Мне она кажется легкой, как тростинка.

Петроний недоуменно посмотрел на него, но ничего не сказал. Толпа снова качнулась вперед, как волны беспокойного моря. Ее вел за Собой Человек с божественным лицом.

Впереди была Голгофа.

Глава IX

Солнце стояло в зените. Прямые лучи, острые, как иголки, доставали и жалили все живое. Природа притихла, словно умерла. И это затишье являло полную противоположность настроению толпы. С каждым шагом бешенство ее удесят�рялось от жары и усталости.

Солдаты часто останавливались у винных лавок, чтобы пополнить запас в своих фляжках, очень быстро пустеющих по такой жаре. Многие иудеи следовали их примеру, чтобы освежить горло, забитое пылью.

Действие вина скоро стало заметно. Кое-кто приплясывал на ходу, слышались пьяные разговоры. Предложили выпить Симону, но он отказался, и тогда вино в ярости вылили на крест. Красные капли стекали с дерева, словно кровь.

Изменчивая толпа совсем забыла про Варавву, освобождения которого еще недавно так рьяно требовала. А может быть, его не узнавали – он был теперь роскошно одет. Но он находился среди них, в самой тесноте, и с печальной строгостью смотрел на полупьяные выходы, не теряя надежды увидеть дорогое лицо. Мельхиор насмешливо улыбнулся:

– Ее здесь нет. Разве она может идти с чернью? Ее место рядом с самим Каиафой.

– Какое ей дело до Каиафы? – угрюмо спросил Варавва.

– Большое, – ответил Мельхиор. – Тебя не было целых полтора года – достаточный срок, чтобы случилось многое! Ну ладно, не сердись! Твоя любимая – образец всех добродетелей, пока...

– Пока что? – спросил Варавва подозрительно.

– Пока не доказано иное! Что она красива – это бесспорно, а красота – единственное, что требуется мужчине в женщине... И я повторяю: ее брат предал Назорея!

– Да, ты... Ты говорил... – пробормотал смущенный Варавва. – Но я поражен... Иуда всегда был чистосердечным, открытым юношей!

– Ты его хорошо знал? – спросил Мельхиор, пристально глядя на Варавву.

– Не то чтобы хорошо, но все же... Мы вместе работали в доме купца Шадина, про которого я тебе рассказывал...

Краска стыда залила темное лицо Вараввы.

Мельхиор продолжал:

– И чтобы угодить сестре твоего чистосердечного Иуды, ты украл у торговца золотом и жемчугами какую-то безделицу и был пойман! Достойный Варавва! Мне кажется, что именно из-за этой красавицы ты и совершил все свои преступления!

Варавва тихо, как бы извиняясь, сказал:

– Она так любит драгоценности!.. И я взял ожерелье из чистого жемчуга. Оно мне казалось символом ее девственности... Ему лучше быть на ее лебединой шее, чем в пыльных сундуках Шадина.

– Да, веская причина, чтобы ограбить своего хозяина! И повод для своих преступлений ты находишь довольно легко. Габриас оклеветал твою красавицу, и ты ударом ножа заставил злой язык замолчать навсегда. По правде говоря, Юдифь Искарот – единственная причина всех твоих злоключений, а ты ее все еще любишь!

– Если бы ты ее видел... – сказал Варавва мечтательно.

– Я видел ее! – ответил Мельхиор спокойным тоном. – Она не против того, чтобы все на нее смотрели! Разве она не первая красавица в городе? Зачем же ей прятать свою красоту? Но прелести ее не вечны. Пусть она их демонстрирует, пока они не исчезли! Но из тебя она сделала вора и убийцу.

Варавва не спорил, и Мельхиор продолжал:

– Пожалуй, и бунт, в котором ты был замешан, тоже подготовлен ею...

– Нет, нет! – возразил Варавва. – Она здесь не при чем... Мы все во власти жестокой тирании. Виноват не столько Рим, сколько местные власти. Нами правят священники и фарисеи, и они злоупотребляют своей силой! Бедные угнетены, обиженные не имеют никакой защиты! Я когда-то читал по-гречески и по-латыни, старался усвоить премудрости Египта; у меня хорошая память, я обучался красноречию, и мне легко увлечь толпу. Я наткнулся на нескольких недовольных... и сам не знаю, как это случилось... В каждом человеке живет стремление к свободе...

– У вас скоро будет величайшая свобода! – сказал Мельхиор, и взгляд его странно потемнел. – Придет время, когда дети Израиля железной рукой будут управлять всем миром. Звон монеты даст им власть. И для тех, кто любит золото больше жизни, Дух в терновом венце жил на земле напрасно! Торжество иудеев еще впереди! Они долго были пленниками и рабами, зато в свою очередь возьмут пленных и победят великие государства. Даже твое имя, Варавва, послужит знаменем – ты будешь «Царем Иудеев», так как Тот, Кто идет впереди нас, – Царь более многочисленного народа, Царь бессмертных духов, на которых золото не имеет влияния!

Варавва смотрел испуганно, не понимая того, что говорил Мельхиор, но чувствуя, что грозный голос предвещал что-то ужасное...

– Про какой народ ты говоришь? – спросил он. – Про какой мир?

– Не один мир, а бесконечное множество миров! Там, далеко над нами, – Мельхиор показал на небо, – синева скрывает их от наших глаз, но они существуют! Это не сон и не бред! Огромные сферы, бесконечные системы следуют по указанному пути. Они богаты мелодией, переполнены жизнью, озарены светом, и Человек, Который идет сегодня на смерть, знает все эти тайны!

Испуганный Варавва еле выговорил:

– Ты потерял рассудок!.. Или... тебе тоже было видение?! Станные мысли посещают меня с тех пор, как я увидел лицо Иисуса, а над Ним... Мельхиор, скажи, почему это преступление должно совершиться в Иудее? Может быть, есть надежда на Его спасение?

– Спасение? – переспросил Мельхиор. – Ты хочешь спасти ягненка от волков, лань от тигров, веру – от священников? Ты смел и опрометчив! Назначенное должно исполниться!

Он замолчал. Варавва шел рядом, тоже не говоря ни слова. Зато чернь кричала и бесновалась.

Мельхиор поднял голову, и в его глазах Варавва увидел все тот же странный янтарный блеск.

– Как по-твоему, Иуда Искарот был человек простого нрава?

– Он казался таким, когда я его знал, – рассеянно ответил Варавва, занятый своими мыслями. – Шадин ему очень доверял, Иуда был его библиотекарем... Юноша мечтал о реформах и улучшениях, ненавидел – тиранию и презирал священников. Он посещал синагогу только в угоду отцу и в особенности для сестры, которую очень любил. Все это Иуда рассказал мне сам! И в один прекрасный день он внезапно и тайно покинул город и после того...

– Ты украл у Шадина жемчуг для той, которую любишь, а потом убил клеветника, и за это тебя бросили в темницу и чуть не распяли! – договорил Мельхиор.

Глаза Вараввы засверкали.

– Я умер бы с восторгом, чтобы спасти Приговоренного сегодня!

Строгое выражение лица Мельхиора смягчилось.

– Хотя ты и преступник, но все же есть что-то благородное в твоей натуре, – сказал он. – Надеюсь, тебе это зачтется. А про Иуду я могу тебе кое-что рассказать. Внезапно покинув Иерусалим, он отправился к морю Галилейскому и там присоединился к ученикам Пророка из Назарета. Он странствовал вместе с Ним. Я сам его видел в Капернауме, и он всегда был рядом с Учителем. А здесь, в Иерусалиме, вчера ночью он передал Иисуса в руки стражи, и теперь навечно имя Иуда будет звучать как «предатель».

– А Юдифь про это знает? – тревожась, спросил Варавва.

Холодная улыбка промелькнула на губах Мельхиора.

– Юдифь знает много, но не все! Она не видела брата со вчерашнего заката солнца.

– Он бежал из города?

Мельхиор как-то странно посмотрел на Варавву, потом ответил:

– Да, бежал...

– А остальные Его ученики? Где они?

– Они тоже бежали... Что им оставалось делать? Бросить погибающего – это так по-человечески!

– Все они трусы! – горячо воскликнул Варавва.

– Нет! – поправил его Мельхиор. – Все они люди!

И видя опечаленное лицо своего спутника, добавил:

– Разве ты не знаешь, милейший Варавва, что все люди – трусы? Увлекался ли ты когда-нибудь философией? Если нет, то для чего читать латинские и греческие свитки и углубляться в учение египтян? Нет человека, который был бы героем постоянно, в больших и малых вещах – славные дела совершаются редко, в минуту сильного воодушевления. Вот ты – высокий, широкоплечий, сильный и кажешься храбрецом. И один кокетливый взгляд, чарующая улыбка могут тебя заставить украсть и даже убить! И потому ты – человек и тоже трус! Быть слишком гордым, чтобы воровать, слишком милосердным, чтобы поднять, руку на другого – вот это было бы человеческим подвигом! Но люди – пигмеи. Они трясутся за свою жизнь. А что их жизнь? Ничтожная пылинка в солнечном луче – не больше! И выше этого люди не поднимутся, пока не узнают, как придать ценность своей жизни. Но это откроется немногим!

Варавва удрученно вздохнул.

– Тебе нравится повторять историю моих грехов, – сказал он. – Может быть, ты думаешь, что я не могу слишком часто слушать ее? Ты называешь меня трусом, но я не сержусь на тебя – ты иноземец, а я, несмотря на свободу, все-таки преступник... Кроме того, ты умен и обладаешь непонятной силой... Поэтому я лучше воздержусь от упреков. Но думаю, что еще не слишком поздно сделать свою жизнь осмысленной, и я этого достигну.

– Конечно, – сказал Мельхиор. – Но это такое дело, в котором тебе никто не может ни помочь, ни помешать. Жизнь – талисман, но цель этого волшебного подарка ты должен понять сам!

Движение толпы вдруг застопорилось.

Опять раздались восклицания:

– Он умрет прежде, чем Его успеют распять!

– Он теряет сознание!

– Если Он не может идти сам, обвяжите Его веревками и втащите на Голгофу!

– Пусть Симон и Его несет вместе с крестом!

– Поддержите Его, злодеи, – выделился из этого жестокого хора женский голос. – Или вы хотите, чтобы до цезаря дошло: иудеи – варвары?!

Шум усиливался, возбужденная толпа бурлила, несколько человек упали, и их затоптали. Плакали дети, рыдали женщины – царил паника!

– Вот удобный случай попытаться спасти Его! – прошептал Варавва в сильном волнении и сжал кулаки, готовясь к драке.

Мельхиор удержал его.

– Лучше попробуй сорвать солнце с неба, – сказал он сердито. – Успокойся, опрометчивый дурак! Ты не можешь спасти Того, для Которого смерть – божественное преисполнение жизнью! Попытаемся лучше протолкаться вперед, чтобы узнать причину остановки.

Глава X

С этими словами, крепко держа Варавву за руку, Мельхиор бросился в самую гущу толпы, которая раздвигалась перед ним словно по волшебству. Вскоре они вышли на сравнительно просторное место, откуда можно было наблюдать за происходящим. Остановка была вызвана тем обстоятельством, что внезапная мертвенная бледность Узника, Его плотно смеженные веки и неверный, спотыкающийся шаг навели охрану на мысль, что Он может умереть в дороге и лишит дарового зрелища накаленную до предела толпу. Чтобы этого не случилось, решили поддержать Его тающие силы. Петроний поднес свою фляжку к губам Страдальца. Почувствовав прикосновение металла, Он открыл Свои лучистые глаза и улыбнулся. Очарование и нежность этой улыбки, бесконечное терпение и любовь, которые она выражала, озарили распалившихся, потных людей и подействовали на них как прохлада. Шум и крики прекратились, все невольно потянулось к светлому взгляду.

Приговоренный ими к смерти не стал пить вино. Все той же чудной улыбкой выразив центуриону благодарность, Он продолжал вглядываться в лица тех, ради кого добровольно обрек Себя на страдания. И многие, поймав этот полный неземной любви взгляд, стали сочувствовать Ему. Послышались рыдания.

– Еще пара таких остановок, и казнь, пожалуй, не состоится – народ отменит свой приговор, – недовольно пробурчал кто-то из конвоиров.

– Молчи! – оборвал его Петроний гневно. – Разве ты не видишь, что Он изнемогает от усталости и боли. Пусть отдохнет!

Но Тот, о Ком шла речь, уже пришел в себя. Легкие краски жизни опять покрыли Его лицо.

Одна женщина с ребенком на руках подошла к Иисусу и, не обращая внимания на грозные взгляды стражников, дотронулась до Его одежд. Малыш потянулся было к терновому венцу, но, уколовшись, стал перебирать золотистые волосы Узника. Бесконечная нежность, выразившаяся на лице Божественного Бессмертного, глубоко тронула сердце матери; сжимая дитя в своих объятиях, она громко зарыдала.

Несколько женщин возобновили плач с такой истеричностью, что это вызвало недовольство окружающих мужчин.

– Вот глупые гусыни! Как бы своим плачем они не остановили исполнение закона!

Вдруг тихий, слабый голос прозвучал, как чудесная, грустная песня:

– Дочери Иерусалима! Не плачьте обо Мне, а плачьте о себе и детях ваших! Ибо приходят дни, в которые скажут: «Блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы не питавшие». Тогда горам скажут: «Падите на нас» и холмам: «Покройте нас».

Мелодичный голос задрожал, лучистые глаза Пленного Царя наполнились жалостью, но Он продолжал:

– Ибо если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?

Женщины смотрели на Него недоумевая и, хотя не поняли Его слов, успокоились. Последняя фраза Иисуса, казалось, особенно смутила их. Они не могли постичь, что под зеленеющим деревом Он подразумевал весь мир, что Он предвидел только одно горе – от неверия и непослушания людей.

Без веры, без любви этот мир будет похожим на высохшую шелуху и, как звездная пыль в мировом пространстве, улетучится, не исполнив воли своего Создателя. Но большая часть людей не имеет ни времени, ни желания думать об этом. Есть время пить и есть; время, чтобы красть и лгать; время убивать и унижать человеческое достоинство... Но нет времени остановиться и подумать, что, несмотря на то, что мы суетимся на этой планете, она принадлежит не нам, а Богу, и если Он только пожелает, она в мгновение ока исчезнет без следа, а память

о ней останется только лишь потому, что на Земле Божественный Христос родился и умер, этим освятив ее.

Никто из народа Израиля в то знаменательное утро не мог понять чуда и таинственности, которые исходили от Божественного Человека, с таким спокойным величием идущего между ними. Они знали только одно:

Узник, обладающий удивительной физической красотой, приговорен к смертной казни за новое учение и богохульство.

Видя, что Иисус способен передвигаться, охрана снова заторопилась в путь. Грубо оттолкнув женщину и ее дитя от Приговоренного, стражники повели Его вперед, к Голгофе. Через несколько минут гора хорошо просматривалась вдаль, и, едва завидев цель, к которой так стремилась, толпа подняла оглушительный радостный крик.

Симон Киринеянин был опечален тем, что блаженный путь подходил к концу, ему не хотелось расставаться с состоянием чудесного забытья: не ощущая тяжести взваленной на него ноши, он словно парил в воздухе.

Идущие рядом издевались над силачом, пытаясь рассердить его грубыми шутками, но он не отвечал на оскорбления, боясь, что произнесенные им слова уничтожат то умиленное состояние, в котором он находился, заглушат витающую над ним чудесную музыку.

Когда показалась Голгофа, Симон вдруг почувствовал усталость. Приближалось время, когда он должен сложить со своих плеч эту сладостную ношу – крест Божественного Человека, и снова взвалить на себя тягостное бремя житейских горестей и страданий!

Хорошо бы умереть рядом с Тем, Кто, как солнце, блистающее в вышине, излучал такой яркий внутренний свет. Голгофа представлялась Симону естественным завершением всей его нелегкой жизни. Грубый, темный человек не мог анализировать свои новые чувства и ощущения, но понимал, что какая-то разительная перемена произошла в нем с того момента, как он поднял крест Иисуса Назарянина.

Когда толпа была уже совсем рядом с местом казни, из других городских ворот вылетела группа всадников и, как вихрь, поднялась на Голгофский холм.

Это римская знать, находящаяся в Иерусалиме по своим делам, решила поразвлечься, глядя на казнь презренных иудеев. Верхом на мулах поднялось на Голгофу местное высшее общество. Несколько позже из сада, начинавшегося по другую сторону холма, вышли несколько богато одетых женщин и тоже направились к месту казни, громко и весело переговариваясь между собой.

Одна из них, самая высокая, гибкая, со смелыми телодвижениями, казалась особенно вызывающей. Голова и плечи ее были покрыты огненно-красным плащом.

– Вот она, – шепнул Мельхиор, хватая за руку Варавву. – Этот маковый цветочек и сводит тебя с ума! Вот твоя ценительница краденого жемчуга, невиннейшая и чистейшая дева Иудеи – Юдифь Искарот!

Варавва рванулся туда, где полыхал красный плащ, но цепкая рука не пускала его.

– Клянусь своей душой, я убью тебя! – бешено закричал Варавва.

Но рука Мельхиора, на вид такая изящная, обладала недюжинной силой и не дрогнула, а искрящиеся, холодные глаза смотрели с нескрываемым презрением.

– Ты хочешь убить меня, – сказал он, – и клянешься своей душой? Не клянись душой, приятель, – как это ни странно, но она у тебя есть, и береги ее! Ты думаешь, меня убить так же легко, как фарисея? Ошибаешься! Сталь твоего ножа растает в моем теле, твои руки отнимутся, если ты дерзнешь их на меня поднять. Опомнись и не пренебрегай моим расположением – оно тебе очень пригодится!

Теперь Варавва посмотрел на него с досадой, ледяная тяжесть легла на его сердце: он сам в минутном порыве отдал себя во власть этого незнакомца, который совершенно парализовал его волю.

Он перестал бороться и только бросил тоскующий взгляд в сторону красного пятна, которое все выше поднималось по склону холма.

– Ты не знаешь, – пробормотал он, – как долго я мечтал увидеть ее!

– Мечта твоя сбудется! – уверенно ответил Мельхиор. – Но сделай по крайней мере хотя бы вид, что ты мужчина! Да и не забудь, что ты пришел сюда, чтобы увидеть смерть, и такую, которая выше земной любви!

Варавва горестно вздохнул и опустил голову. Сильные, четкие черты его лица были искажены страстью, но странная власть, которую имел над ним его спутник, была неодолима.

Зорко следивший за Вараввой, Мельхиор позвал:

– Идем! Он уже входит на Голгофу! Ты увидишь, как будет умирать мир и как померкнет солнце! Ты услышишь голос Всевышнего, возмущающегося убийством Божественного в Человеке!

Глава XI

Удрученный и дрожащий, Варавва следовал за своим новым другом.

Внутренний голос убеждал его в неоспоримой правоте слов Мельхиора, но почему этот таинственный иностранец знал так много?

Он поднимался в гору с сердцем грустным, почти отчаявшимся. Он чувствовал, что должно свершиться что-то ужасное и на детей Израиля со страшной силой падет проклятие, которое они на себя навлекли. Даже Сам Бог не может отменить судьбу человека или народа, выбранную ими по своей воле.

Иссохшаяся земля потрескивала под ногами людей, будто горела.

Было почти три часа дня, и солнце беспощадно жгучими лучами опаляло гору, напоминающую огромный муравейник с роящимися пчелами – людьми. Невысокий Голгофский холм, подняться на который в прохладе было так легко, сейчас многим казался труднодоступным.

Наконец преодолев подъем, Мельхиор и Варавва увидели, как несколько женщин сгрудились возле одной из своих подруг, бывшей в обмороке. Подумав, что это Юдифь, Варавва кинулся вперед. Мельхиор его не останавливал.

Но Варавве пришлось разочароваться – там были только бедно одетые, горько плачущие женщины. Лишь одна из них выглядела знатной, и, хотя лицо ее скрывал капюшон, ясно было, что это не Юдифь – плащ на ней был не красный, и вся фигура ее выражала глубокую скорбь, чувство, не знакомое Юдифи.

Потерявшая сознание выглядела беднее всех подруг – на ней было грубое платье из серого полотна. Поражала ее тихая, трогательная красота. Роскошные волосы рассыпались по плечам и густыми золотистыми волнами обрамляли лицо, черты которого были нежны и округлы, как у ребенка. Темные ресницы зеленых глаз отбрасывали тень на бархатистые щеки.

– Что с ней? – участливо спросил Варавва.

Женщины, посмотрев на него, ничего не ответили.

Варавва вернулся к Мельхиору.

– Там – девушка чудной красоты. Она в обмороке. Нельзя ли помочь ей? – сказал он.

– Эта златокудрая красавица – городская блудница, Мария Магдалина.

Варавва вздрогнул, как ужаленный, брови его нахмурились.

– Мария Магдалина, – растерянно бормотал он. – Я много про нее слышал! Сам я не бросил бы в нее камня, но все же... если я сегодня увижу Юдифь...

– Ты не хочешь оскверниться, мой добрый Варавва! – прервал его Мельхиор. – Как я тебя понимаю! Твоя Юдифь невинная голубка, а Мария грешница!.. Так оставь ее там, где она лежит. Только знай, что та, которую ты, убийца, презираешь, раскаялась и прощена Тем, Кто

сейчас умрет. Но что тебе до этого! Его распнут, а ты будешь жить... О, чудный мир, творящий правосудие!

Варавву жег стыд.

– Если она раскаялась, то почему бы тебе не подойти к ней?

– Почему? – повторил Мельхиор задумчиво. – Если бы я сказал об этом, ты узнал бы то, чего пока не можешь понять. Могу сказать тебе только одно – среди этих женщин есть та, к которой я не смею подойти. Место, куда ступает ее нога, становится священным...

Варавва окинул женщин беспокойным взглядом, пытаясь понять, о ком говорил Мельхиор, и увидел, что Магдалина очнулась и хотя слабо, но стояла на ногах, поддерживаемая подругами. Варавва снова изумился великолепию ее волос, золотом сверкающих в лучах солнца.

Вдруг раздался душераздирающий вопль. А через мгновение – новый, с такой же страшной, звериной силой.

Варавва посмотрел на своего спутника.

– Это первое ощущение той боли, которую ты сегодня мог бы испытать, – сказал Мельхиор. – Это пригвождают к кресту двух воров.

Ближе к эпицентру событий толпа стояла глухой, каменной стеной, но вдвоем с Мельхиором Варавва легко проходил сквозь нее, и вот перед ним развернулась сцена страшной казни.

По указанию Каиафы два разбойника должны быть распяты раньше Назорея. Сделано это коварным священником для того, чтобы устрасить Иисуса, заставив сначала быть свидетелем их мучений.

Но ни тени страха не было на Божественном лице. Иисус стоял прямо, как повелитель множества миров, сознающий Свою силу. Высокая Фигура в белых ризах резко выделялась на фоне пылающего неба и привлекала к Себе весь ослепительный блеск, все великолепие солнечных лучей. Каждый шип тернового венца сверкал, как бриллиант. Чудный лик выражал бессмертную красоту. Ноги Его легко касались раскаленной земли; весь Он казался белым облаком, спустившимся с небес. Земля, небо, солнце были частицами Его. Произнеси Он слово – одно повелительное слово, от него содрогнулась бы вселенная. Но Он продолжал молчать, и только глаза Его говорили: «Я пришел, чтобы поднять завесу смерти, которой все боятся. Я пройду через пытки и страдания, чтобы подбодрить слабое человечество! И Я приму смерть как человек, чтобы доказать: умирая на кресте, человек воскресает для новой, вечной жизни!»

Еще более страшные вопли неслись с лежащих на земле крестов, на которых корчились распинаемые разбойники. Глянув в ту сторону, Варавва не смог сдержать удивленного возгласа:

– Ганан!

Несчастный смотрел на него волком. Лицо, искаженное болью, выражало теперь еще страшную, злобную зависть.

– Ты, Варавва?! Ты свободен, собака! А меня распинают, и по твоей вине – ты подбил меня на преступление!.. Правосудия! Я требую правосудия! Ты должен быть на моем месте, а не глазеть на мои мучения, стоя рядом с приличными людьми!

Привязав руки разбойника к поперечине креста, палачи принялись вбивать огромные гвозди в ладони. Ганан неистово завопил, кровь хлынула у него из горла, лицо побагровело.

– Трусливый шакал, – засмеялись воины. – Римлянин не стал бы так кричать. Умри мужественно! А Варавву оставь в покое – он прощен и освобожден по закону!

– Прощен... – забормотал Ганан. – Будьте же прокляты адом ты и твоя распутная...

Он не успел договорить – крест подняли и поставили в заранее приготовленную яму. Распятый испытывал невыразимые муки и силился оторвать от креста ладони. Кровь сгустилась и потемнела на его распухших руках. Похолодев, Варавва отвернулся.

– Все так страдают на кресте? – с дрожью в голосе спросил он своего покровителя.

– Да, все сотворенные из глины, – холодно ответил Мельхиор и посмотрел на мучившего преступника так, словно изучал его. – Он мог быть счастлив, но не захотел. Он сам виноват в том, что происходит сейчас.

– А что ты скажешь про Назорея?

– То же самое, – ответил Мельхиор, но голос его звучал мягко. – Он Сам избрал этот путь, и Ему за то слава во веки веков! Время – Его рабыня, судьба – Его подножие, а Его крест – спасение человечества!

– Если ты так думаешь, – пробормотал растерянный Варавва, – то разве не лучше было бы поговорить с Ним, пока Он жив, попросить Его благословения...

– Его благословение предназначено не для меня одного, а для всех, – сказал Мельхиор торжественно. – Я с Ним говорил давно... Но теперь время бодрствовать и молиться...

Между тем палачи хлопотали возле второго распинаемого. Он не сопротивлялся и не кричал, лишь когда в ноги вонзились огромные гвозди, застонал от безумной боли, но почти сверхъестественным усилием превозмог себя и только прерывисто дышал. Его глаза смотрели на Назорея, и это помогало ему переносить боль.

Когда рядом с первым вознесся второй крест, толпа заколыхалась – пролог окончен, и скоро начнется главное действие захватывающей драмы. Разглядывая нетерпеливые лица, жаждущие увидеть смерть Того, Кто называл Себя Сыном Бога, Варавва словно обжегся об ослепительную красоту женщины, одетой в плащ цвета красного золота. Как мотылек, полетел он к этому яркому, опасному пламени, к этой зловещей красоте:

– Юдифь!

Глава XII

Та, которую он назвал по имени, гордо повернулась и вопросительно посмотрела в его сторону. Поразительная ее красота приковала Варавву к месту, как в былые времена.

Юдифь была воплощением той редкой женской красоты, которая во все времена покоряла мужчин, отнимая у них рассудок и разжигая страсть. Она создавала свою силу, которой могла безнаказанно мучить многочисленные жертвы своего непобедимого очарования.

По рождению и воспитанию Юдифь Искарriot была дочерью одного из самых строгих и уважаемых фарисеев – и должна была бы быть скромнейшей из дев Иудеи, но природа взяла верх над воспитанием. Она дала ей много из того, что ценится людьми больше чистоты души. Природа бросила яркий свет солнечного заката в бронзовый оттенок ее волос, сплавила вместе темноту ночи и блеск звезд для ее глаз, выжала сок из граната для ее губ, нанесла розоватую белизну миндальных цветов на ее щеки.

Не было ничего удивительного в том, что красота Юдифи подчиняла всех, кто к ней приближался – даже строгий отец исполнял все ее причуды. Как же мог влюбленный Варавва не унижаться, как самый последний жалкий раб? Побитая собака, наказанный ребенок и те обладали большей волей, чем Варавва в ту минуту, когда взгляд красавицы безучастно скользнул по нему.

– Юдифь! – воскликнул он пылко и снова встретил равнодушные темных глаз, холодных, как дно морское.

– Юдифь! Ты не узнаешь меня?! Я Варавва.

Капризные губки слегка раскрылись, насмешливая тень промелькнула по лицу, оставляя ямочки возле самого рта и приподнимая углы тонких, словно нарисованных бровей. Юдифь рассмеялась – беззаботно, раскатисто.

– Ты Варавва? Это невозможно! Каких-нибудь два часа назад я видела его стоящим перед синагегоном – полуголового и грязного оборванца!

И она снова залилась серебристым смехом. Глаза ее смотрели презрительно. Но Варавва немного пришел в себя и встретил насмешливый взгляд с грустью: восторг и пыл его исчезли, когда он снова заговорил.

– Я Варавва, и ты, Юдифь, это знаешь... Разве я страдал не из-за тебя?

Она вскинула на него гневный взгляд.

– Как смеешь ты говорить мне такое? Какое дело дочери Искарота до низкого преступника?

– Юдифь, – опять не выдержал Варавва, он побледнел, глаза выражали глубокое отчаяние. – Сжался! Вспомни былые дни!

Повернувшись к своим служанкам, тщеславная красавица громко сказала:

– Помните, как этот человек проходил мимо колодца, где мы отдыхали, и перебирал с нами городские сплетни вместо того, чтобы заняться делом. Однажды, помнится, он связал мне гамак и повесил между смоковницами... Вот, кажется, и все, что он для меня сделал... Но свалившаяся на его бедную голову свобода помutilа его разум... Разодетый, как павлин, и с таким смиренным видом он бы хорошо смотрелся на кресте...

Служанки рассмеялись, чтобы угодить госпоже, но не все – некоторые жалели Варавву и смотрели на него с сочувствием.

Слушая жестокие слова безжалостной красавицы, он продолжал пытливо и грустно смотреть ей в глаза. Румянец на щеках Юдифи разгорелся, ее, видимо, смутил пристальный взгляд Вараввы.

Видя это замешательство, Варавва взял Юдифь за руку и снова заговорил.

– Ты не можешь понять той тоски, которую я пережил вдали от тебя! Я преступил закон из-за тебя, как бы ты это ни отрицала! Издевайся надо мной, но все же ты не можешь запретить мне безумно тебя любить! Убей меня, если это тебе доставит наслаждение, убей вот этой драгоценной игрушкой, что висит у тебя на поясе. Я умру счастливым у твоих ног...

Красавица слушала, и тщеславная улыбка расцветала на ее лице. Варавва все еще держал ее руку, и Юдифь не сопротивлялась. Другой рукой она нашарила кинжал – игрушку, маленькое лезвие которой было достаточно крепким и острым, чтобы убить.

Вынув миниатюрное оружие из ножен, осыпанных дорогами камнями, Юдифь торжествующе подняла его. Варавва не отступил и ни на секунду не отвел восхищенного взгляда от надменной красавицы.

Капризная, удовлетворенная улыбка плясала на ее губах. Юдифь засмеялась – неудержимо, весело и вложила лезвие обратно в ножны.

– Я дарю тебе жизнь! – сказала она с царской снисходительностью. – Для торжества смерти сегодня достаточно лукавого Назарянина и двух подлых разбойников. Но пусть же мою руку – мне больно!

Тонкие брови красавицы сдвинулись. Варавва смущенно смотрел на красные пятна, оставленные его пальцами на белой руке Юдифи.

– Габриас поцеловал бы эту ручку, – сказала она улыбаясь.

Лучше бы земля разверзлась под ногами или молния поразила Варавву! Габриас, этот гадкий, лживый фарисей, которого он убил и за это долго страдал в темнице, опять стоит между ним и любимой! Варавву охватило такое бешенство, что он посмотрел на Юдифь с искаженным злобой лицом и сверкающими глазами.

Но тут толпа снова зашевелилась, стремясь поближе протиснуться к тому месту, где шли приготовления к казни Назорея; и пока охрана наводила порядок, несколько богато одетых людей подошли к Юдифи. Среди них был и Каиафа. Его длинное лицо еще больше вытянулось, когда он увидел Варавву.

– Что ты тут делаешь, убийца? – прошипел он яростно. – Разве я не предупреждал тебя?! Пошел прочь! Дарованная тебе свобода не очистила тебя от преступления, ты не смеешь подходить к людям именитым и праведным! Убирайся, не то я прокляну тебя, как прокаженного!

Варавва встретил угрозы спокойно.

– Почему только лицемерам дано блаженствовать в обществе Юдифи Искарот? Кажется, я начинаю понимать, кем я обманут! Я читаю твои мысли, кровожадный Каиафа! Ты, а не Иуда – виновник казни Назарянина. А значит, месть ждет тебя...

Он говорил, весь дрожа, почти не сознавая смысла сказанного.

– Он тоже сделался пророком! – насмешливо сказала Юдифь. – Распни и его.

Толпа опять рванулась, чтобы продвинуться вперед хотя бы на шаг, и снова была остановлена солдатами. Варавве пришлось отстаивать свое право на место, которое он занимал на земле в этот момент. Неожиданно пред ним предстал Мельхиор.

– Бедный, безрассудный грешник! – сказал он ласково. – Вот первый удар твоему доверчивому сердцу! Первое разочарование! Но забудь про свою боль. Пусть мир и его пути не тревожат тебя. Если твоя душа жаждет любви, пойдем – ты увидишь ее распятой со всей своей славой, чтобы удовлетворить ненависть, пожирающую человечество!

Голос Мельхиора задрожал. Варавва, потрясенный своими личными обидами, покорился. Он только поднял на своего друга глаза, полные тоски.

– Скажи, если знаешь, – сказал он хрипло, – она мне изменила? Нет! Лучше молчи. Я хочу умереть, не потеряв веру в нее.

Но Мельхиор не отвечал, он был занят тем, что тащил Варавву сквозь толпу как раз к тому месту, где уже хрипели распятые на своих крестах оба разбойника, а солдаты, окружив высокую фигуру Назорея, срывали с Него одежды.

– Пилат сошел с ума, – сказал один из воинов другому, раскручивая пергаментный свиток. – Смотри, какую он сделал надпись для креста Галилейского Пророка.

И, развернув пергамент, он стал читать слова, написанные на латыни, на греческом и на арамейском: «Иисус Назорей – Царь Иудейский».

– Надпись как надпись, – равнодушно ответил солдат.

– Да нет же, говорю тебе! – настаивал другой. – Каиафа сказал Пилату: «Не пиши: „Царь Иудейский“, но пиши: „Он говорил: Я – Царь Иудейский“». Но Пилат, верно не оправившийся от внезапного утреннего недуга, резко ответил первосвященнику: „Что я написал, то написал!“

– Это не наше дело! – сказал ничего не понявший в этих тонкостях солдат и, взяв лист, стал приколачивать его к изголовью креста.

Сделав несколько ловких ударов, он, любуясь своей работой, отошел на несколько шагов.

– Надпись как надпись, – повторил он и снова прочел таинственные слова, которые станут известны всему миру:

– Иисус Назорей – Царь Иудейский...

Глава XIII

Безуспешные попытки прорвать линию римской охраны сделали толпу еще сплоченнее и монолитнее; стоя плечом к плечу, люди издали напряженно следили за последними приготовлениями к казни Назорея.

Но для некоторых были сделаны исключения – им разрешили подойти ближе остальных к месту казни. В их числе Варавва видел несколько бедно одетых женщин, встреченных им на склоне, среди которых выделялась своей красотой Магдалина. Чуть в стороне стояла другая группа, украшением которой был большой маковый цветок – Юдифь Искарот, вокруг которой вились сановитые шмели Иерусалима во главе с Каиафой.

Сердце Вараввы сжалось. Разочарование и ревность угнетали его.

Вдруг земля колыхнулась, как морская волна. Варавва пошатнулся и упал бы, не поддержи его Мельхиор.

– Что это? – как всегда, Варавва за разъяснениями обратился к своему спутнику.

Тот смотрел на воинов, которые тоже почувствовали колебания почвы, но, приученные к дисциплине, только вопросительно переглянулись и сохраняли невозмутимый вид. Землетрясение больше не повторялось, а народ ничего не заметил, захваченный предстоящим зрелищем.

Палачи уже сняли с Осужденного Его ризы и, прельстившись, стали бросать жребий, кому они достанутся.

Пока солдаты спорили и кричали, Назарянин стоял почти обнаженный. Тело Его в лучах солнца белело мрамором, голубые жилы просвечивали сквозь кожу.

Развязка приближалась. Воины уже поделили одежды, и главный палач подошел к Назорею. Смирненно опустил Властитель вселенной к орудию пытки. С величественной готовностью и непобедимым терпением Творец веков лег на деревянные бревна. Он мог бы сказать в эту минуту: «Дети Моего Отца, принимайте, как Я, мирскую пытку. Если вы хотите обладать Божественной силой, то ложитесь на крест, чтобы и враги, и друзья могли бы вонзить в ваше тело острые гвозди. Носите, терновый венец, пока ваше лицо не будет обогрено кровью. Сбросьте одежды свои под насмешливым взором чувственности и греха. Пусть враги думают, что они вас измучили, убили и похоронили, стерев с лица земли. Тогда воскресайте, дети Моего Отца, воскресайте, исполненные силой – живой, вечной, непобедимой! Весь мир будет у ваших ног, и отверзнутся небеса. Вся вселенная будет повторять ваши имена и историю вашей верности. Сонмы ангелов возрадуются вашей славе. Ибо с этого дня на веки вечные Я и те, которых Я называю Моими, превратят земную смерть в жизнь вечную!»

Но эти слова не были произнесены. Божественные уста молчали. По толпе пронесся невольный шепот удивления и восхищения спокойным мужеством, с которым молодой Пророк покорялся судьбе.

Воины с молотками подошли к Нему боязливо и нерешительно.

– Он словно сотворен из мрамора, – заметил один.

– Из мрамора кровь не течет, – сказал его напарник грубо.

Остальные молчали.

Избранное общество пребывало в нетерпении. Юдифь Искарот, блистательная, как всегда, ждала казни с выражением лица довольного ребенка, которому обещано веселое зрелище.

Черные глаза равнодушно и холодно смотрели на Лежащего на кресте. Расшитый драгоценными камнями алый плащ равномерно поднимался и опускался на высокой груди.казалось, она уже наслаждалась теми муками, которые еще предстояли Приговоренному.

В другой группе людей, бедно одетых, вдруг привлекла к себе внимание женщина, красивая и молодая, как Юдифь, но изнемогающая от слез, с бледным растерянным лицом. Высоко поднимая руки, она упала на колени. Раздался тихий, дрожащий стон.

Никто не подошел, чтобы утешить или помочь. Кто-то смотрел с любопытством, большинство – насмешливо и презрительно. Но из той же группы легкой царственной походкой к ней придвинулась женщина, закутанная в покрывало, и, опустившись на колени, обняла ее.

Юдифь Искарот с презрением глянула на них.

– Следовало бы прогнать камнями грешниц, с которыми общался этот сумасшедший Пророк! – сказала она Каиафе.

– Да, дурное общество должно быть отстранено от того места, где проходишь ты, прелестная Юдифь, – сказал Каиафа, но тень насмешки промелькнула на его тонких, бледных губах. – Потому-то я и прогнал Варавву. Но что касается распутной Магдалины – пока ничего нельзя сделать: женщина, которая ее обнимает мать Назарянина. Если бы мы лишили ее права оплакивать своего сына с женщинами, с которыми она пришла сюда, то народ возмутился бы про-

тив нас. Закон всегда должен идти рука об руку с милосердием. Потерпи, прелестная Юдифь. Ты должна была предвидеть, что в такой толпе нельзя быть одним праведникам! – добавил он с иронией.

Гневный румянец покрыл щеки Юдифь, глаза зловеще засверкали.

– Я пришла сюда, чтобы увидеть смерть Назарянина, – сказала она резко. – Только я буду смотреть на Его мучения не со слезами, Его агония будет моей радостью. Ведь я Его ненавижу! Он внес раздор в нашу семью. Он сделал брата фанатом Своего учения. Был ли человек счастливее Иуды?! Отец его любил, мне он был дороже всего на свете. И вдруг слухи о силе этого тщеславного Пророка выманили его из дома. К чему новая религия тем, кто поклоняется Богу Авраама, Исаака и Иакова и кто с колыбели свято исполняет закон! Иуда Искарот, благородного происхождения, единственный сын и наследник моего отца, странствовал по всей стране с сыном плотника, жил с простыми рыбаками, посещал бедных и прокаженных, когда мог жить в довольстве... Он покинул дом, действовал наперекор воле отца – и все ради самозванца, которого наконец-то уличили в богохульстве и приговорили к давно заслуженной смерти! Моя ненависть к Нему огромна! Я встала сегодня как никогда рано, чтобы присутствовать в суде. Когда народ склонялся к милосердию, я говорила слова, разжигающие гнев, я первая кричала: «Распи Его!»

Каиафа сказал с заметной нежностью в голосе:

– Да, твой крик звучал как серебристый колокольчик... А Иуда мне всегда был симпатичен. Это галилейский Пророк увлек его и заставил бежать из города... Ты не знаешь, куда?

Тоска отразилась на красивом лице Юдифь.

– Не знаю, – ответила она грустно. – Вчера ночью брат приходил ко мне после того, как навел стражу на Назарянина... Он был как помешанный и проклинал и себя, и меня. Я пыталась его успокоить, называла всеми ласковыми именами, какие приходили на ум, но он не замечал моей любви. Пришел отец и стал умолять его вспомнить свой долг перед семьей и отечеством, но он еще громче кричал и бил себя в грудь: «Согрешил, согрешил! Невинная кровь жжет мне руки!» Вырвавшись затем из наших объятий, Иуда убежал в глухую ночь. С тех пор я его не видела...

Две слезинки задрожали на ресницах Юдифи Искарот и упали на драгоценные украшения ее накладки.

– Да, юноша повел себя очень странно, – говорил первосвященник. – Он исполнил свой долг, и надо бы радоваться, а не горевать. Надеюсь, это его настроение временное и все будет хорошо. Утешься этой мыслью, Юдифь, и удовлетвори свою жажду мести – Назарянина уже приговорают к кресту.

Центурион Петроний поднял руку, давая сигнал к началу пытки, и, к своему ужасу, опять встретил терпеливый взгляд Божественных очей – они, словно две звезды, были полны далекой, неразгаданной тайны.

Петроний не выдержал этого взгляда. Дрожа всем телом, он быстро отвернулся.

Получив приказ, палачи встали на колени и взялись за свою страшную работу. Их сильные, грубые руки, забрызганные кровью двух других распятых задержались на мгновение. А вдруг этот Человек станет сопротивляться? Не лучше ли и Его привязать веревками, как тех? Но глаза, устремленные ввысь, были спокойны. Нет, здесь можно обойтись без пут... Галилеянин поразительно мужествен...

Не колеблясь больше, они стали вбивать огромные гвозди в Его ладони. Потрясенная земля глухим эхом ответила на гулкие удары молотков, звучащих как набат, извещающий о жертве Бога и о спасении мира! А к светлому Престолу Всевышнего полетела мольба распятого Сына Божия:

– Прости им, Отец: они сами не знают, что творят.

Глава XIV

Невыносимая жара давила, как груда раскаленного железа. Силы природы были парализованы. Земля словно остановилась в своем вечном путешествии вокруг Солнца. Люди ощущали невольный страх, причину которого никто не смог бы назвать, но страх великий, потрясающий!

Закончив с руками, палачи принялись за ноги Страдальца. Из прободенного тела лилась кровь. Но Тот, Кого так жестоко истязали, по-прежнему стойко переносил мучения. Его тело молча протестовало против человеческой несправедливости, но Дух, который жил в этом теле, был непобедим.

Многие из стоящих на Лобном месте слышали бесстрашное, святое учение Того, чью пытку они так хладнокровно пришли смотреть. Они слушали Его в поле, на горе или у моря, когда Он говорил им неслыханные вещи – что Бог это Дух и нужно поклоняться Ему духом и истиной. По его словам, не грозный, мстительный Иегова был Всевышний Творец, а любящий Отец, обещающий Своим детям рай.

Этот распятый по их повелению Человек однажды собрал вокруг Себя толпу бедных, больных и грустивших и, озаряя всех нежной как весеннее солнце улыбкой, сказал: «Придите ко Мне, все страждущие и обремененные, и Я успокою вас».

И они пришли к Нему, эти несчастные люди, они стояли перед Ним на коленях и плакали у Его ног; они целовали Его одежду и землю, которой касались Его ноги; они подносили к Нему детей и доверяли Ему свои горести. И Он, благословляя, возлагал на их головы Свои руки. Эти руки, обладающие таинственной целебной силой и творившие одно только добро, теперь были пригвождены к бревну.

Вся вселенная, казалось, ждала мгновения – водружения креста.

И вот палачи подозвали сотника, чтобы тот мог удостовериться в добротности их работы – гвозди плотно вонзились в тело Страдальца.

Петроний подошел с замирающим сердцем, глаза его затуманились. На этот раз Божественные очи не взглянули на него, они смотрели вверх, на небеса, как бы вбирая в Себя всю огненную силу сияющего солнца.

Сотнику вдруг показалось, что внезапно потемневшее светило отбрасывает какую-то загадочную тень. Он протер глаза, но таинственная тень – как от расправленных крыльев – все лежала на земле. Остальные, по-видимому, ничего этого не видели, их внимание было поглощено поднятием креста.

Озадаченный, Петроний отошел в сторону, и шестеро сильных, мускулистых людей нагнулись, чтобы довести свое дело до конца. Но напрасно они прилагали все усилия и пот градом лил с них – крест с Божественным Страдальцем не поднялся с земли ни на пядь.

– Я же сказал, что Он геркулес, – сказал один из них. – Видно, нам не обойтись без Симона. Эй, Киринеянин, где ты?

Толпа раздвинулась и вытолкнула угрюмого силача.

Он покорно подошел к подножию креста и сказал палачам:

– Поднимайте верхние бревна.

Те не возражали – Киринеянин добровольно избрал самую большую тяжесть, которая придется на его долю, когда будут устанавливать крест.

Все – и палачи, и зрители – были так увлечены тем, удастся ли водрузить крест непомерной тяжести, что не заметили, как с невероятной быстротой распространились непонятные сумерки.

Толпа следила за Симоном Киринеянином. С умиленным видом грубый великан обеими руками взялся за крест и медленно, но уверенно стал приподнимать его от земли, пока кро-

воточащие ноги Христа не оказались на груди силача. Шестеро у других концов креста еле попевали за ним.

Лицо Симона потемнело от напряжения, но он выдержал, и скоро крест с Распятием Милосердием был вдвинут в яму на самой вершине горы.

Он упал с глухим звуком, словно ударил в самый центр земли, и несколько мгновений раскачивался как дерево во время бури, но его быстро укрепили, и он стоял, значительно возвышаясь над двумя другими, где висели разбойники.

Сделав все, что от него требовали, Симон отошел от Символа спасения, обогранный кровью Невинной Жертвы, которая жгла его как огонь. Он запахнул свою одежду, чтобы скрыть кровавое пятно, как прячут чудесный талисман от посторонних глаз. Оно причиняло страдание, как если бы сам Симон был ранен, но это переживание наполняло его душу восторгом. Земля вокруг него кружилась, как водоворот, и он шел пошатываясь, тихо повторяя слова надписи над Божественным Мучеником:

– Иисус Назорей – Царь Иудейский...

Толпа торжествовала: для Безвинной Жертвы начались медленные предсмертные муки.

Бешеные, восторженные, оглушающие крики неслись все дальше и дальше с Лобного места и долетали до светлого храма Соломона, над которым предвестниками бури клубились тучи пыли.

Вопль кровожадных варваров неожиданно продолжился другим звуком – глухим ударом отдаленного грома. Он перекачивался в небесах сурово и гневно, и потрясенный народ оторвался от зрелища жестокой пытки и вдруг увидел, что небо потемнело и солнце почти полностью закрыто черной тучей. Распятый на кресте Сын Божий казался в этом сумраке белее снега.

Вдруг толпа замерла, прикованная к месту сверхъестественной силой.

Не смея шевельнуться, люди пристально смотрели на высокий крест с распятым на нем Божественным Страдалцем. Животный страх леденящим ветром проник в их души.

А небеса все темнели, и не умолкали грозные удары грома.

Глава XV

Серый, непроглядный, как темная завеса, туман опускался на землю. Природа приняла какой-то призрачный вид. Линия римской охраны растворилась во мгле, и на том месте, где стояли солдаты, лишь иногда мелькал стальной блеск оружия. Стиснутые толпы слились в огромное темное пятно. Хорошо виден был только высокий крест с белеющим телом Божественного Распятого.

Очерченный резко и отчетливо, крест принял гигантские размеры, простираясь с востока на запад, от земли до самого неба.

Вдруг молния разорвала пространство, осветив его ярко-синим оттенком; грянул оглушительный, перекастистый гром. Мужчины побледнели, женщины закричали, даже невозмутимых римских воинов охватил суеверный страх: наверное, это колесница сурового Юпитера катится по небесам, значит, ярость его перешла все границы. Но неужели он гневался потому, что распяли какого-то Назорея?

Чуткий к настроению толпы, Каиафа забеспокоился. Эта буря, начавшаяся в момент распятия, могла повлиять на невежественную чернь – как бы толпа не подумала, что небесные силы хотят отомстить за смерть галилейского Пророка.

Ему хотелось поделиться своими опасениями со стоящей рядом Юдифью. Когда Каиафа наклонился над ее ухом, внезапно яркий свет озарил всю Голгофу. Солнце вырвалось из-за туч, и его огненные лучи залили землю.

Люди повеселели, ободрились, а Каиафа торжественно подошел к кресту смиренного Страдалца и крикнул:

– Разрушающий храм и в три дня Созидающий, спаси Себя Самого – сойди с креста.

Толпа одобрительно засмеялась. Даже угрюмые римляне ухмыльнулись: если Он действительно Чудотворец, пусть покажет Свою силу!

Каиафа довольно улыбнулся – ему удалось снова заинтересовать толпу зрелищем казни. Все еще стоя перед крестом, он хладнокровно смотрел, как капля за каплей сочилась кровь Пророка.

Хитрый Анна, напустив на себя лицемерную жалость, тоже подошел поближе и, мягко потирая руки, тихо, но внятно сказал:

– Других спасал, а Себя не может спасти! Сойди с креста, и мы уверуем в Тебя!

Агонизирующий Ганан услышал эти слова и из последних сил присоединил к ним свои проклятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.